

Провокатор

Вячеслав Шалыгин

Перебежчик

«ЭКСМО»

2010

Шалыгин В. В.

Перебежчик / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2010 — (Провокатор)

Во все времена и у всех народов предателей ставили к стенке или на край ямы. Но таких предателей, каким стал бывший боец Сопротивления Филипп Грин, история еще не знала. Ведь никто и никогда не предавал человечества. Да и как можно решиться на такое – перейти на сторону врага, не имеющего с тобой ничего общего? Даже облика. Впрочем, для серпиенсов, подданных Хозяина миров Великого Дракона, играючи разгромивших армии земных супердержав и оккупировавших нашу планету, человеческий облик как раз не проблема. Чего нельзя сказать о некоторых из людей. И, стоя на краю ямы, выкопанной им самим, Грин даже не пытался сохранить лицо. Он просто ждал расстрела, чтобы... продолжить свою миссию, от результата которой зависело, будет ли Земля и впредь человеческим миром или навсегда останется оккупированной Территорией-261.

Содержание

Пролог	5
1. Москва, 27 марта 2015 г.	16
2. Таиланд, 28 марта 2015 г.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вячеслав Шалыгин

Перебежчик

Пролог
Москва, 1 декабря 2014 г.

Земля оказалась тяжелой, но не мерзлой, как ребята ожидали. Кирка не пригодилась. Филипп каблуком счистил со штыка армейской лопаты налипшую грязь, вытер рукавом со лба пот и снова принялся за дело. Пока что яма выглядела не слишком глубокой, до нормальной могилы не дотягивала, но, как ни притормаживай, работы все равно оставалось на полчаса, не больше.

Что ж, лишние полчаса жизни тоже неплохо. Главное, чтобы ребята не замерзли и не решили урезать срок. Они, конечно, люди слова, раз пообещали выполнить последнее желание приговоренного – вырыть нормальную могилу – выполняют, вот только какая яма в их понимании «нормальная»? В рост, больше, меньше?

– Хватит, – буркнул один из ребят. – Вылезай.

Грин ждал этих слов, но все равно вздрогнул, словно от удара бичом. В животе неприятно похолодело, а лопата сама собой выскользнула из рук. Фил пошарил в грязи, отыскал инструмент и протянул черенком вверх. За грязный черенок ухватились двое, Рыжий и Танк. В принципе, не будь черенок таким скользким, вытянуть мог один Танк, очень уж здоровый, черт.

Очугившись наверху, Фил отпустил лопату, вытер руки о штаны и привычно кивнул «спасибо». То ли от столь естественного кивка, то ли от того, что наступил момент истины, расстрельная команда и приговоренный замерли в импровизированной немой сцене, которая затянулась на целую минуту. Пауза – хоть в театр.

Впрочем, Филу любая пауза сейчас шла на пользу. Перед смертью, говорят, не надышишься, это верно, но и просить, как в кино, «давайте поскорее покончим с этим» – дудки!

Филипп окинул взглядом бывших братьев по оружию и отметил про себя занятное обстоятельство. Все шестеро бойцов расстрельной команды стояли практически там же, где находились, когда приговоренный только начал работу. Если сдвинулись, максимум на два шага, чтобы не замараться землей. И выглядели почти все, честно говоря, не очень. Кисло как-то выглядели. А уж про фанатичный блеск в глазах нечего и говорить. Хотя оно и понятно. Одно дело – страстно клеймить предателя в трибунале, и совсем другое – участвовать в его казни. Если ты не садист, глазам блеснуть не от чего. Разве что от слез.

Фил украдкой взглянул на единственную девушку среди бойцов. Нет, у нее глаза тоже не блестели ни от праведного гнева, ни от влаги. Сухими оставались глаза. А еще пустыми и холодными.

Грин сначала расстроился, но потом все понял и успокоился. Вика не плакала, но и не оставалась равнодушной к происходящему. Ее отсутствующий взгляд как раз об этом и говорил. Она пыталась задавить кипящие в котле души эмоции, обрушив на этот самый котел глыбу ледяной отрешенности. Эх, не переборщила бы, вместе с котлом и очаг не затушила, не заморозила бы! Ей ведь еще жить. А с ледяной душой какая жизнь? Так, растительное существование.

Взгляд как-то сам собой скользнул вправо и остановился на Воронцове. Пожалуй, только он выглядел относительно бодрым и твердым. Командир группы возвышался над товарищами, словно вилка, воткнутая в горку квашеной капусты. Ну, еще бы! Такой шанс. Даже два. В первых, выполнив постановление трибунала, Ворон заметно прогнется перед начальством, а во-вторых, станет еще более популярным в народе.

«Это какой Воронцов, тот самый Ночной Потрошитель, которого так боятся чужаки? И тот самый, который расстрелял Грина? Ах, какой дважды герой! И какой красавец два метра ростом, косая сажень в плечах. Ну настоящий герой! Дайте пожму ему руку. Неделю мыть не буду! Хотя, нет, все-таки помою, какой-то серой от него пахнет... слегка. Ну да герою простительно».

Фил незаметно хмыкнул и вдруг понял, что в животе снова потеплело, руки больше не дрожат, а из всех переживаний осталось только сочувствие бывшим товарищам. Им ведь грех на душу брать. Тяжело это, даже если ты уверен, что прав. И к Воронцову, железному человеку с тяжелой рукой и припаянной башкой, тоже никаких претензий по большому счету не осталось. Он ведь так никогда и не поумнеет, а это еще хуже, чем грех на душе. А уж к Вике...

Понятное дело, мыслей Фила никто не улавливал, по лицу тоже вряд ли кто-то умел читать – да и не смотрел на него никто, только косились – но одновременно с приговоренным перестали мандражировать и палачи.

– Слышь, Ворон, – коротко откашлявшись, позвал Боря. – Ну чего, включаем?

– А готово? – Воронцов поиграл мерзлой березовой веточкой.

– Полный «онлайн», – заверил Борис, открывая заслонку объектива простенькой на первый взгляд видеокамеры. – Сразу на «тьюб» пойдет и на «мобильный репортер».

– Значится, так тому и быть, – явно пытаясь подражать известному киногерою, сказал командир. – Врубай! Маски надеть!

Бойцы натянули черные шапочки-маски и взяли на изготовку «калаши». Все, кроме Вики. Она даже не шевельнулась, так и стояла, безучастная и холодная, отрешенно глядя куда-то в глубь промерзшей лесной чащобы.

Фил ожидал, что следующим кадром будет крупный план шелкающих переводчиков огня и клацающих затворов, но Воронцов с командой промедлил – Боря подал командиру знак, что у него какие-то нелады с аппаратурой.

Танк, воспользовавшись паузой, опустил автомат и легонько толкнул в плечо Вику.

– Маску надень.

– Что? – В чудесных голубых глазах девушки наконец появилась искра мысли.

– Маску надень, в эфир выходим.

– Я... – Вика на миг зажмурилась. – Я просто отвернусь.

– Не дури, – Танк понизил голос. – Такие правила, ты же знаешь. Тоже под трибунал хочешь?

– Тоже? – Вика вдруг вспыхнула и пошла багровыми пятнами. – Тоже?!

Фил встревожился. Что будет дальше, он знал не понаслышке. Если Вика заведется, плохо будет всем, но в первую очередь ей самой.

– Марта, спокойно! – прикрикнул на нее Воронцов.

– Пошел ты! – злобно шурясь, прошипела Вика. – Я тебе не Марта! Козу свою Мартой называй! И маску надевать я не буду! Положить на ваши правила!

– А есть что положить? – неожиданно спросил кто-то за спиной у Воронцова.

Бойцы, как по команде, развернулись кругом и вскинули оружие. Незаметно подкравшийся к лобному месту человек медленно поднял руки и снисходительно усмехнулся.

– Дети вы еще, – он, не мигая, уставился на Воронцова. – Давай, Ворон, командуй, пока они не пальнули с перепугу.

– Опустить оружие, – приказал Воронцов. – Здравия желаю, товарищ Дед.

В голосе командира группы слышались нотки недовольства. Тем не менее дальше он повел себя так, будто заранее знал, что в нужный момент на сцене появится седьмой и что им будет конкретно этот дядька средних габаритов, неопределенного возраста, со слабо запоминающейся внешностью и с абсолютно невыразительным голосом. То есть «товарищ Дед».

Ворон перехватил автомат за цевье и протянул незнакомцу руку.

– Привет, – Дед пожал руку командиру и кивнул бойцам: – Продолжайте.

– Наладил? – Воронцов строго взглянул на Бориса.

– Все пучком! – Боря снова взял на изготовку видеокамеру.

– Хорошо устроился, – вдруг сказал незнакомец. – Все, значит, стреляют, а ты снимаешь?

– А чего, есть другие предложения? – Боря нахально вытаращился на незнакомца. – Снимайте сами, если так.

– Нет, снимай ты. Остальные тоже расслабьтесь, – Дед перевел взгляд на Вика и ткнул в ее сторону указательным пальцем. – Вот она будет стрелять. Одна.

– В смысле? – встрепенулся Воронцов. – Погодите, товарищ полковник, что это вы тут командуете? Это моя операция! И подчиняюсь я только приказам трибунала.

– Операция твоя, – Дед кивнул, не отводя при этом взгляда от Вики. – Подчиняйся, кому положено, не возражаю. А стрелять будет она.

Девушка все еще шла пятнами, но уже не такими контрастными, и смотрела не на ребят или загадочного Деда, даже не на Фила, а в небо. В серое пасмурное небо, с которого, казалось, вот-вот посыплется мелкий злобно-колючий снег.

В принципе Фил догадывался, почему она смотрит вверх. Так она себя успокаивала, когда требовалось срочно прекратить злиться. Если при этом еще и глубоко дышать, помогает, Фил знал по себе. Бывало, они делали так на пару. И бывало не раз. Сложные характеры, ничего не попишешь. Не расставаться же из-за этого. И подолгу дуться друг на друга тоже не вариант. А так вышли на балкон, «продышались», глядя в небо, потом извинились, закрепили мир ураганным сексом (однажды прямо на балконе) – и все, полное взаимопонимание до следующей ссоры. Всегда срабатывало.

Почти всегда, если не учитывать последний раз, когда Вика узнала, что Фил якобы натворил. После такого облома ни о каком примирении не могло быть и речи.

В общем, сейчас Вика старалась успокоиться, и делала она это явно по молчаливому приказу Деда. Филиппу стало даже любопытно. Получалось, что Вика и Воронцов знают этого человека. Причем в иерархии Сопrotивления он стоит довольно высоко. Но почему тогда с ним лично не знаком Филипп? Ведь он-то имел доступ на самый верх, не в пример ночным охотникам Ворону и Марте!

Фил прокрутил в памяти все, что смог, но припомнил лишь пару упоминаний о боевом товарище по кличке Дед. Среди политических лидеров Сопrotивления этот странный кадр не значился. Он вообще появился в рядах элиты Сопrotивления незадолго до августовского разгрома. Кажется, именно этот товарищ сменил на посту прежнего начальника контрразведки московского округа Сопrotивления. Большая шишка. Но тогда какого черта он забыл здесь, в лесу, на месте будущей казни предателя, да еще перед камерами. Зачем ему светиться?

Однако наиболее странным выглядело поведение Вики. Так резко осадить вспыльчивую красотку не мог даже сам Филипп в лучшие годы их совместной жизни. А уж заставить ее

сделать что-то против воли Грин не мог вообще никогда. Это представлялось нереальным. Хотя, возможно, он просто не пытался.

Как бы то ни было, этот Дед просто посмотрел ей в глаза, и пламя будущего скандала угастро, едва занявшись.

– Нет, товарищ Дед, не пройдет этот финт, она не станет стрелять одна, – упрямый Воронцов помотал головой и обернулся к девушке: – Так, Вика?

– Стану, – ледяным голосом неожиданно заявила Вика. – Могу вообще голыми руками задушить!

Фил поежился. Рухнули все надежды на остатки светлых чувств, скрытые у Вики глубоко в душе. Во взгляде бывшей девушки действительно читалась отрешенность, но не от происходящего, а от бывшего парня. Никакой маскировки, все как есть – холод и равнодушие. От осознания этого факта Филу стало больно.

– Вот и договорились, – почти ласково произнес Дед.

Вика восприняла его фразу как команду к действию. Она без колебаний выдернула из кобуры пистолет, загнала патрон в ствол и вскинула руку, целясь Филу в сердце. Дед едва успел схватить Вику за запястье.

– Нет, не так, – он снова заглянул девушке в глаза и едва заметно вскинул брови. – Мы знаем, что ты преданный боец. Не нужно ничего доказывать.

– Вот именно, – едва слышно прошептала Вика, – преданный... этим... ничтожеством!

– Мы все им преданы, но должна быть казнь, а не расправа! Понимаешь? Вот и умница. И еще... – Дед вынул из кармана куртки свой «ПМ» и протянул Вике: – возьми этот.

– Чем он лучше моего? – Вика подбросила на ладони в точности такое же оружие.

– Пули в моем специальные, – охотно пояснил Дед.

– Серебряные, что ли? – хмыкнул за спиной у него Учитель.

– Считаю, что так, – Дед обернулся и одарил лейтенанта лучезарной улыбкой. Правда, лучи «сияли» явно в рентгеновском спектре. Пять минут в свете такой улыбки, и ты труп. Дед снова обернулся к Вике: – Бери, голуба, это приказ.

Вика пожала плечами и взяла предложенное оружие.

Воронцов и Учитель почему-то переглянулись. Во взгляде лейтенанта угадывался какой-то немой вопрос. Майор почти незаметно качнул головой и чуть пожал плечами. В чем заключался смысл этой пантомимы, Филипп так и не понял.

Дед кивком и парой жестов приказал бойцам взять Фила под руки и поставить его перед ямой на колени. Лицом к могиле.

Грин не сопротивлялся и не корчил из себя героя. Принимать смерть, стоя к расстрельной команде лицом, удел тех, чье имя останется в памяти потомков светлым. А негодяям полагается умирать от пули в затылок или корчиться на виселице. Но ролик со сценой повешения замодерируют сразу, теперь админами на всех порталах трудятся роботы чужаков, они быстро соображают, а вот стрельба может и прокатить, мало ли постановочного хлама и военной хроники плавают в сети? Разок точно прокатит и на «тюбике», и на «репортере». А что хотя бы раз попало в сеть, уже не вычистить ничем и никому. Даже кошатники не вычистят со всеми их виртуальными суперкомпьютерами и нереальными программами, от одного упоминания о которых лучшие хакеры планеты начинают рыдать как дети.

Филипп встал на скользкий бруствер, мотнул головой, отправляя конвоиров куда подальше, и тяжело опустился на колени. Недолго поразмыслив, заложил руки за спину.

«Кажется, так ставили приговоренных зэков китайцы? Да и наши в войну... хотя нет, наши вроде бы на колени не ставили. Или ставили? Впрочем, какая разница?»

Грин глубоко вдохнул холодный воздух, на пару секунд задержал дыхание и медленно выдохнул. Хорошо дышалось перед смертью. Вкусно.

Сзади послышались шаги. Короткие, женские. Фил закрыл глаза.

«Интересно, приговор зачитывать будут? Ну хотя бы резюме. Именем трудового народа или там прогрессивного человечества. Хотя, нет, некогда. Ролик должен быть показательным, но коротким. Чтобы с одного взгляда все стало ясно. Как про Саддама. Раз-два, и все кончено. А слова пусть остаются за кадром, пылятся себе в толстых прокурорских папках».

Оказалось, что командир расстрельной команды полностью согласен с выводами Фила, хотя и не слышал ни слова из его мысленных фраз.

– Вы все знаете, кто этот человек, – торжественно, даже пафосно заявил Ворон. – Это Филипп Андреевич Гриневский, известный также под псевдонимами Филипп Грин и Фил, по вине которого в августе текущего года в одной только Москве погибли сотни тысяч бойцов Сопротивления...

«Сто шесть тысяч семьсот бойцов, – мысленно исправил Филипп. – Плюс полторы сотни человек пропали без вести, как подсчитало следствие. И не в одном только августе, а за весь отчетный период. С августа по ноябрь 2014 года. Так что ты, Ворон, ври, да не завирайся».

– ...Были разрушены десятки городов и нанесен значительный ущерб мировой экономике...

«Мировой экономике! Ну, ты загнул! Ни один человек не может нанести ущерб, тем более – значительный, тому, чего давно не существует. Все равно что обвинить меня в разрушении Бастилии. Помочиться на ее контуры, что выложены мостовыми камнями на одноименной площади, я еще мог бы, но разрушить – явно опоздал. Так и с мировой экономикой. Трехлетний кризис ее неслабо подкосил, а чужаки добились одним мощным ударом в начале 2013 года, не дав ей, бедняжке, очнуться».

– ...На основании вышеизложенного и безусловно признавая, что этот человек особо опасен, трибунал Сопротивления приговорил Филиппа Андреевича Гриневского к высшей мере наказания – расстрелу! Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

«Казенный язык – худшая матерщина. Одна «высшая мера наказания» чего стоит. Абсурд! Наказание, как и поощрение, должно иметь реальные последствия. Наказали – человек задумался, пересмотрел свою жизненную позицию, начал делать все так, как положено. Поощрили – он воодушевился и стал работать еще лучше. А если человека расстреляли, какое же это наказание? Убийство, и только. Так почему нельзя сформулировать четко: мы посоветовались и решили этого человека убить. Нет же, «наказание»! Кому оно нужно, это лицемерие? Хотя, понятно, что вопрос не к Ворону и не к трибуналу. Не они придумали этот странный «язык закона». На нем лицемерили до них, на нем же будут лицемерить после них. Всего-то разницы: кто-то это делал (и будет делать) лучше, а кто-то хуже. Суть от этого не менялась и не изменится никогда. Вот большевики, например, называли это же самое убийство «высшей мерой социальной защиты». Звучало честнее, но заканчивалось тем же убийством. Так что вопрос не к Ворону...

Боже мой, о чем я думаю в свои последние секунды! Помолился бы лучше!»

– Привести приговор в исполнение!

«Ну! Вот сейчас должно произойти нечто такое, что положит конец этой трагикомедии. Примчится кавалерия генерала Алексеева, или всю расстрельную команду накроет залп из шокового оружия чужаков. Ну!»

Ничего такого не произошло. Грин услышал, как Вика снимает пистолет с предохранителя и загоняет патрон в ствол. Лязг металла казался оглушительным.

«Все! Провал!»

Филиппа охватила натуральная паника. Такая, казалось бы, продуманная операция оказалась фантазией сумасшедшего! Предвидения и подсказки загадочного голоса извне, сверхчеловеческие усилия, моральные и физические мучения – все это вмиг потеряло всякий смысл. Грин допустил роковую ошибку и теперь расплачивался за нее жизнью.

«Но ведь прежде предвидения не подводили! До самого конца не подводили! Почему сейчас? Что за жестокая шутка воспаленного воображения, если дело реально в нем? Проявилась скрытая тяга к самоубийству? Но почему в такой изощренной форме, почему просто не застрелился или не встретился с серпиенсом лицом к лицу? Нет, это не может завершиться вот так, глупо и жестоко! Какой в этом смысл?!»

Грин зажмурился. Возможно, смысл заключался как раз не в жизни, а в смерти. Возможно, все шло к тому, чтобы Грин стал символом именно после гибели. Каким символом и для кого? Символом самопожертвования? Но ведь для всех он провокатор, предатель, шпион. При чем тут самопожертвование?

Вика медлила, и это давало Филиппу последнюю надежду. Грин не хотел цепляться за эту соломинку, но подсознание его не спрашивало, цеплялось без приказов разума. Фил сначала рассердился на себя за эту слабость, но потом насторожился. Все-таки подсознание трепыхалось не напрасно. Что-то происходило. Только не вокруг, а в мистическом мысленном пространстве. Грубо говоря, там поднялся какой-то шум. Грин сосредоточился и понял, что происходит. Кто-то мысленно кричал, обращаясь к Вике:

«Вика, спокойно! Сосредоточься! Он всех перехитрил, но ты сможешь все исправить!»

В мысленном крике не сквозили нотки отчаяния, он скорее походил на обычный уличный оклик. Будто бы кто-то позвал Вику с другой стороны дороги. Почему этот крик услышал еще и Грин? Не важно. Такое уже бывало и неоднократно. Впервые это случилось в декабре двенадцатого на «Соколе», когда Филипп услышал, как чей-то мысленный голос советует Вике спуститься в колодезь, чтобы убраться из опасной зоны. А повторилось недавно, во время штурма шпионской явки серпиенсов на Щелковском, когда Вика, инстинктивно доверившись телепатической подсказке «голоса извне», точно определила, где прячется приор стражи чужаков. Грин и тогда оказался в курсе Викиного озарения, поскольку услышал ту же подсказку.

Правда, сейчас кое-что складывалось иначе. Разница заключалась в том, что кричало вовсе не второе «я» Филиппа, как он сам его называл. Вику мысленно окликнул другой голос. Почему другой? Хотя бы потому, что кричала определенно женщина. То есть в телепатический эфир вышла какая-то незнакомка, но и Фил, и, похоже, Вика слышали ее мысленный крик точно так же, как слышали они когда-то подсказки гриновского «альтер эго».

А еще сейчас Грин не слишком ясно понимал, о чем толкует этот мысленный голос. Кто кого перехитрил и что можно исправить?

Грин ощутил, как дрогнула рука девушки, как чуть сместился уткнувшийся в затылок Филиппу ствол пистолета...

Хлопнул оглушительно громкий выстрел, но Фила звуки не интересовали, он сосредоточился на ощущениях...

* * *

Труп казненного предателя рухнул на бруствер и медленно съехал в яму. Шлепок от падения безжизненного тела в грязь на дне могилы получился очень сочным. Бойцам даже показалось, что яма на миг ожила, проглотила жертву и от удовольствия причмокнула.

Вторую жертву – пистолет, выпавший из руки палача, яма приняла почти беззвучно.

Третью – самого палача, рухнувшего в обморок, ей не отдали. Учитель подхватил Вику на руки и, не дожидаясь приказа от Ворона, понес девушку через лес к просеке, где остался микроавтобус. Следом за ним потянулись Рыжий и Танк. Рядом с Воронцовым остались только Борис, которому требовалось еще упаковать аппаратуру, и Дед.

– Нет, ну нормально, – Ворон растерянно оглянулся. – Эй, куда все-то? Я один буду закапывать, что ли?

– Лопата все равно одна, – проронил Борис и запоздало прикусил язык.

– Вот и бери ее! – Воронцов вспомнил о своей начальственной роли и неуверительно нахмурился.

– В машине еще есть, я принесу! – мгновенно сориентировался Боря. – Момент!

Ворон не успел возразить, поскольку слово «момент» Борис выкрикнул уже на ходу, исчезая в голом, но все равно густом подлеске.

– Да, Ворон, боец ты отменный, а вот командир из тебя, как из дерьма пуля, – скептически хмыкнув, сказал Дед.

– Оружие... – Воронцов нервно поправил ремень автомата и отвел взгляд, – доставать будете?

– Не закапывать же вместе с этим бабаем, – Дед, кряхтя, наклонился, поднял лопату и протянул черенок Воронцову. – Спрыгни. Будь так любезен. Заодно контрольный выстрел сделаешь. Желательно из моего же. Что-то не понравилось мне, как эта «Никитá» стрельнула.

– А вытянете? Я сто двадцать вещь без снаряги.

– Сто двадцать? – Дед удивленно округлил глаза и присвистнул. – Эх ты отъелся на казенных макаронах с тушенкой! А росту в тебе сколько? Метра два?

– Два ноль пять.

– Ну, с таким ростом ты и без меня оттуда выпрыгнешь, – Дед снова усмехнулся. Правда, теперь не снисходительно, а холодно, даже с оттенком презрения. Но тон не сменил. – Лезь, драгоценный мой, не раздражай.

Ворон недовольно поджал губы, повесил автомат за спину и молча направился к яме. Подход он выбрал явно неудачный. С той стороны ямы Фил набросал особо высокий бруствер, в основание которого легла самая сырая, а значит, и самая скользкая земля. Под тяжестью Воронцова земля поехала и осыпалась в яму. Вместе с грунтом в могилу съехал и командир расстрельной команды.

Какое-то время Ворон возился на дне, чертыхаясь и громко сопя, затем пробормотал что-то неразборчивое, но явно нелестное, правда, непонятно в чей адрес, и, наконец, выдал раздраженную реплику:

– Куда она его зашвырнула? Нет нигде.

– На двух квадратных метрах сориентироваться не можешь? – недовольно проскрипел Дед.

– Так ведь грязюки по колено! – ответил из ямы боец. – И кровищи... как с кабана.

– Так много? – Дед насторожился. – И что, небось течет до сих пор?

– А пойми ее! Где же эта железяка? Мистика какая-то!

– Тело переверни, – приказал Дед, – может, под него соскользнул.

– Может, – проворчал Ворон. – Еще дохлятину я не ворочал. О! Что-то есть!

Несколько секунд из ямы доносились какие-то шорохи, сопение Воронцова и чавканье грязи, затем что-то громко хрустнуло, и снова чавкнула грязь.

Дед зачем-то поднял лопату штыком вверх, словно готовясь оглушить того, кто покажется из ямы, и сделал один осторожный шаг к брустверу.

Выбираться из чужой могилы Ворон не спешил. Может, в качестве компенсации за все неудобства шарил в карманах казенного, или же делу мешало что-то еще? Чтобы разобраться, следовало заглянуть в яму. Иначе никак.

Дед присел, вынул из кобуры на лодыжке небольшой револьвер, встал и вытянул шею в попытке заглянуть за бруствер...

В этот момент над лобным местом прокатился короткий отзвук выстрела. На этот раз отражение от стенок могилы не исказило звук, поскольку стреляли не вниз, а вверх. Конкретно в Деда.

Малейшие сомнения в этом факте развеялись со скоростью пули. Той самой, что ударила в штык лопаты и проделала в двухмиллиметровом железе аккуратную дырочку.

Дед вскинул руку с револьвером, не целясь выстрелил в яму, затем отшвырнул испорченную лопату и, поскользываясь, как начинающий лыжник на заледенелом насте, попытался к зарослям. Новый выстрел из могилы пришелся в белый свет, но Деду хватило самого факта ответного огня. Кто бы ни палил из ямы, продолжать с ним «слепую» перестрелку Дед не собирался. Он прекрасно знал, что и Ворон, и Грин стреляют гораздо лучше его, поэтому финал дуэли представлялся Деду непредсказуемым. И кому она нужна, эта рулетка?

«Нет, мы пойдем другим путем! – решил Дед. – Более надежным. А таких путей у нас много».

Он резко развернулся и бросился наутек...

* * *

Бойцы Ворона примчались на выстрелы достаточно быстро, минуты через три, но все равно успели к шапочному разбору. На пустой полянке царила тишина. Только березы вокруг едва слышно шептали что-то невнятное, касаясь друг друга мерзлыми ветками. Никто из бойцов не мог и предположить, что тут произошло несколько минут назад.

Бойцы бегло осмотрели полянку, но то, что они нашли на лобном месте, ситуации не прояснило. Даже наоборот, только еще больше все запутало.

Во-первых, в могиле не оказалось тела Грина. Вместо него там лежал бездыханный Воронцов.

Во-вторых, исчез Дед. Судя по следам и сломанным веткам, ушел он быстро и куда-то в глубь лесопарка.

Кто затеял стрельбу, бойцы тоже не поняли. То ли Дед почему-то выстрелил в Ворона, то ли, наоборот, Воронцов жажнул, пытаясь помешать полковнику унести тело Грина, и получил в ответ.

Впрочем, в этот скользкий нюанс никто не вникал. Не для рядовых бойцов это занятие – вникать в игры Особого отдела при штабе Сопротивления, начальником которого и являлся товарищ по кличке Дед.

– Наше дело – сторона, – мрачно и немного растерянно произнес Учитель, теперь временный лидер группы погибшего Воронцова. – Хоть и непонятно, за что командира так круто... он еще много пользы мог принести.

– Мог, – на выдохе проронил Танк, выталкивая из ямы на бруствер тяжеленный труп Ворона. – Только вряд ли это Дед сотворил. Гляньте, где входное. На виске. Если б они с Дедом перестрелку затеяли, то Воронцову в лоб прилетело бы.

– И чего? – наивно хлопая глазами, удивился Боря. – Ворон сам застрелился, что ли?

– Погодите, – Учитель наморщил лоб. – Дед ведь без оружия был, его «ПМ» Вика в яму уронила.

– Значит, Ворон ему пистолет из ямы достал, вернул, а Дед его... – Танк выбрался из могилы и повертел головой. – Хотя, нет. Фигня какая-то. Тогда мы услышали бы один выстрел, а их было три. И следов многовато. Вот тут Ворон подошел, спрыгнул... и все. А тут кто топтался?

– А гильзы? – присоединился к обсуждению Рыжий.

– Чего гильзы? – Танк поднял одну бровь.

– Гильзы где? Одну я вижу, вон валяется. Это Вика стреляла. А еще три куда делись?

Танк секунд на пять завис, глядя будто бы сквозь Рыжего, затем вернулся к яме и, присев на бруствере, заглянул вниз. Еще несколько секунд спустя он встал и обернулся к товарищам. На губах у него играла глуповато-растерянная улыбка.

– Насчет трех не знаю, но две точно... там, внизу.

– Точно? – Учитель смерил Танка строгим взглядом.

- Я без глаз, что ли?!
- Я спрашиваю – точно две?
- А-а, ну да, вроде бы две. Там грязюка...
- Странно, – Учитель покосился на Рыжего.
- Тот нахмурился и покачал головой: «Беда».
- И самого пистоля нет, так? – уточнил дотошный Учитель у Танка. Тот помотал головой. – Дела-а.
- Хорошо, «калаша» не прихватил, – сказал Рыжий.
- Хорошо, – нехотя согласился с ним Учитель. – Только все равно ничего хорошего.
- Похоже, попали мы, мужики. Как куры в ошип.
- О чем ты? – забеспокоился Боря. – Вы все. О чем? Что происходит?
- Произошло уже, – Танк устало махнул рукой. – Идем Деда искать, может, ему помощь нужна.
- Танк, Рыжий! – Борис занервничал еще сильнее. – Учитель, ты же человек, не то что эти гамадрилы! Объясни!
- Ворона Фил продырявил, – коротко ответил лидер группы. – Возможно, он и Деда достал. С огневой подготовкой Грин всегда дружил.
- Ты шутишь, да? – глаза у Бориса заблестели, а голос дрогнул. – Грина ведь Вика убила!
- Выходит, не убила, – Учитель взял парня за плечи и развернул в сторону дороги. – Шагай к машине, там Вика одна-одинешенька, да еще и в отключке. Охраняй.
- Я один?! – уже и вовсе с нотками паники в голосе спросил Боря. – А вы?!
- А мы Деда окрест поищем и тоже придем, – сказал Рыжий и слегка поддал Борису коленом пониже спины. – Шагай! С-сопляк...

* * *

Ощущения были что надо. Лучше бы сосредоточился на одном только звуке. Впрочем, тут хоть сосредоточься, хоть расслабься, не поможет. Когда по черепу щелкает «макаровская» пуля, пусть и вскользь, на пик нагрузки выходят все ощущения разом. Правда, тут же сворачиваются в тугой комок, который сначала мечется с набатным звоном под сводами черепа, а затем взрывается где-то глубоко в сознании перед внутренним взором фейерверком крупных желтых искр.

В принципе, это даже красиво. Только очень уж больно. А когда фейерверк гаснет, становится очень уж темно и страшно.

Фил провел ладонью по шее, утирая стекающую за воротник теплую кровь, а затем осторожно, кончиками пальцев, прикоснулся к округлой ранке на щеке.

Все-таки предвидения не обманули! Все случилось именно так, как пообещал голос извне! Были и паника, и отчаяние, и дрогнувшая рука палача, и мучительная боль, и счастье оттого, что эту боль чувствуешь. Все, как по сценарию. Пуля вошла в шею справа, ниже затылка и вышла из-под правой скулы. Причем почти ничего важного не задев. Порванное небо, мышцы, кожу и пару выбитых зубов можно не считать. Такое впечатление, что Вика намеренно выстрелила именно сюда, ведь она бывший стоматолог, знает, где что расположено в этой части головы. Может, так оно и было? Может, Вика только притворялась, что ненавидит Грина, а на самом деле пыталась его спасти? В таком случае совсем хорошо. То есть не совсем, но гораздо лучше, какая-никакая моральная поддержка.

А вот что крови много вытекло, это плохо. До сих пор полный рот и полжелудка.

Филипп кое-как сплюнул. Нет, рот уже не полный, и кровь не равномерно красная, а с темными прожилками и сгустками. Вроде бы кровотечение пошло на убыль. И то хлеб. Да что там «хлеб»! Для покойника самочувствие почти отличное!

Голова страшно болела и кружилась, шея отекала и занемела, в районе верхней челюсти что-то противно и будто бы само по себе похрустывало, ноги подкашивались, тошнило, как после трехдневного мальчишника, но сейчас все эти неприятные ощущения Фил воспринимал через призму главного калибра – через призму жизни. Чувствует тот, кто живет! Лучше, конечно, чувствовать что-нибудь приятнее боли и мигрени, но это смотря в какой ситуации. Сейчас Грину следовало оставить капризы. Сейчас любое ощущение становилось для него приятным и желанным, поскольку лишний раз напоминало о главной хорошей новости на всей его памяти. Филипп Грин продолжал жить!

И пусть началась эта новая жизнь довольно нервно, с борьбы в грязи, стрельбы, карабканья по скользким стенкам ямы и тяжелейшего марша на четвереньках по холодному лесу, но опять же, стоит ли привередничать? Главное – жив!

«Только Ворона жалко. Хороший мужик был, пусть и не слишком умный. Зато боец отменный. Змеевикам черепушки на раз дырявил. С его фактурой это запросто получалось. Перефразируя Владимира Семеновича: тюк прямо в темя – и нет гадюки. А погиб глупо. Просто попал под раздачу. Я ведь его только рукояткой приголубил. Мог бы отлежаться Ворон и снова в бой. Но тут этот Дед с револьвером нарисовался, палить начал наугад. Глупо и несправедливо. Жалко Воронцова. Но ничего не поделаешь – судьба. И потом, такие, как Воронцов, в новом деле не пригодятся».

«Цинично рассуждаешь, новорожденный».

Голос извне снова казался другим. Не привычным Грину голосом второго «я», а женским, тем самым, что призывал Вику сосредоточиться. Это Филиппа озадачило, но лишь на время. Новая жизнь, новые условия игры. А если так, чему удивляться?

«Цинично? Не циничнее расстрела. А вот дальше будет реальный цинизм, гарантирую. Время кондовой партизанщины закончилось. Пришло время Настоящего Сопrotивления, умного, жесткого, предельно эффективного. Сопrotивления, которое обязательно закончится Освобождением».

«Ты уверен?»

«Абсолютно. Иначе не взвалил бы на себя такую тяжесть – сто шесть тысяч чужих грехов».

«Ты эмоционален и убедителен, и тебе повезло, но этого мало. Мои предвидения ближайших событий обычно туманны, но я думаю, что ты до сих пор в опасности. Если Дед решит прочесать лес, твое везение закончится, и все изменится».

«Не закончится! – неожиданно зазвучал привычный Филиппу голос извне. – Мои предвидения ближнего прицела как раз, наоборот, всегда точны. Только приходят нерегулярно. Но сейчас я вижу, что Грин практически у цели. Ползи вправо, Фил. Увидишь черную машину, не бойся, в ней не марионетки серпиенсов, это маскировка».

«Черную машину? – Грин тяжело вздохнул и замер на секунду от приступа острой боли. – Машина – это то, что нужно. Хватило бы сил доползти».

Филипп продвинулся вправо метров на десять и растянулся на влажной хвое. Если машина стоит на просеке, проползти требовалось еще метров пятьдесят. Немыслимое расстояние!

Справа что-то треснуло, наверное, сучок под чьей-то ногой, затем еще раз, и вскоре послышались мягкие шаги. Грин попытался поднять взгляд, но правый глаз скрылся под огромным сочным синяком, а левым без линз или очков Фил видел плохо. Он сумел разглядеть фигуру человека в камуфляже, но лица не рассмотрел. Грин на всякий случай нащупал в кармане пистолет.

– Спокойно, – прошептал человек, склоняясь над Грином. – Свои.

Человек присел, осторожно перевернул Филиппа на спину и поднял, легко, как ребенка.

Теперь Грин теоретически мог бы его рассмотреть, но снова не преуспел. Лицо человека скрывала черная шапочка-маска. Однако в том, что это не один из палачей и не боец оцепления, наверняка выставленного предусмотрительным Дедом, Филипп почему-то не сомневался. Что-то в движениях и фигуре человека показалось Грину знакомым. И роста человек оказался такого, что круг поисков сужался до минимума. «Лосей» среди знакомых Грина числилось немало, но таких, как этот, пожалуй, с десяток, не больше. Даже меньше, поскольку из списка недавно выбыл Воронцов, светлая ему память.

Человек шагал легко, мягко и не прижимал Филя к себе, а держал на весу, чтобы раненому не передавались никакие толчки.

Обещанный «голосом» черный автомобиль, здоровенный «Крузер», действительно стоял на узкой просеке, занимая весь ее просвет. Владелец авто предусмотрительно поднял заднюю дверь и откинул бортик. Приготовил все для погрузки.

Фил на миг встревожился. Человек знал, что Грина придется грузить? Откуда?

– Все видел, все знаю, – уложив Грина в машину, прошептал спасатель. – За Ворона не виню, самооборона. Не вмешался раньше, прости, но мы ведь так и договаривались.

«Все он видел! Ты видел то, что происходило на поверхности, дружище! А в яме? Эх, мог бы я говорить! Но, ладно, не винишь, и на том спасибо. А что не вмешался... все верно, генерал, уговор был именно такой».

Человек, а если без уловок – генерал Алексеев, распечатал армейскую аптечку и достал шприц с обезболивающим. Укола Грин даже не почувствовал. На фоне главной боли такие комариные укусы терялись, как песчинка в пустыне.

– На месяц спрячу в надежном месте, – продолжал шептать генерал. – Как раз у одного доктора. Подлечишься, вывезу на экватор в нейтральные воды. Это все, что я могу. Годится? Выражая согласие, Грин медленно прикрыл левый глаз. Большего и не требовалось.

Кое-как наложив Грину повязку, Алексеев закрыл заднюю дверь и уселся за руль. Машина плавно тронулась, через какое-то время вырулила на асфальт и покатила...

Куда она покатила, Грин не видел, да это его и не интересовало. В безопасное место, это главное.

Обезболивающее начало действовать, и Грин немного расслабился:

«Уснуть и видеть сны, быть может?»

Это сейчас представлялось наилучшим вариантом. Позволила бы боль.

Прошла еще минута, или вечность, Фил не уловил, и боль стала отдаляться. Совсем уходить она не собиралась, но с воображаемого расстояния выглядела не такой страшной и не мешала погрузиться в забытие.

Зато мешали голоса.

«Убедилась? – прозвучал привычный голос извне. – Считаешь, что ему по-прежнему везет?»

«Нет. Его спасение было предопределено, теперь я это понимаю».

«А если понимаешь, согласишься, что Филипп именно тот, кто нам нужен, двух мнений быть не может».

«Да, ты прав, – наконец сдалась женщина. – Это человек из моих предвидений. Я с вами».

«С нами? – удивился Грин, с трудом преодолевая дрему. – С кем с нами, сударыня? Вы хотели сказать, со мной?»

«Тот, кого ты считаешь своим вторым «я», на самом деле им не является, – пояснил женский голос. – Так же, как все остальные, с кем ты скоро познакомишься, не будут ни плодом твоего воображения, ни болезненными галлюцинациями. Добро пожаловать в новый мир, Филипп Грин. В мир цвета индиго».

1. Москва, 27 марта 2015 г.

«Мы живем ради мгновений. Вся наша жизнь от мгновения рождения до мгновения смерти состоит из точечных событий, разбросанных по узкой грани бытия, на которой балансирует человек.

Мы идем по этому лезвию, потая и отчаянно размахивая руками, или, если повезет, балансиром, мы трудимся, стараясь не сорваться, и все ради того, чтобы достичь микроскопической точки, на которой можно будет перевести дух и дать отдых натруженным мышцам.

Но долго стоять на одном месте нельзя. Холодно, неудобно, а грань бытия больно впивается в подошвы босых ног. Поэтому приходится идти дальше, высматривая на уводящей за горизонт грани новые мгновения отдыха, радости, надежд.

Так и живем. А точнее – жили. До декабря 2012 года, когда грань бытия вдруг раскрошилась, осыпалась ржавым прахом в черную бездну и история человечества началась заново.

Никто не понял, откуда пришли чужаки – сразу два вида довольно схожих и между собой, и с людьми. Виверры и серпиенсы, или кошатники и змеевики, как их называют в народе. Пока что все эксперты сходятся только в одном – пришельцы явились не из космических глубин.

Никто пока не придумал способа от них избавиться. Уровень технологической и военной мощи чужаков значительно превышает человеческий.

Никто пока не знает, что на уме у пришельцев. Кто-то считает, что пришельцы позволят людям приспособиться к жизни в новом мире, кто-то опасается, что чужаки постепенно нас истребят.

Пока что над людьми висит тяжелая плита неопределенности. Рухнет она, раздавив человечество, или через какое-то время исчезнет – пока этого не знает никто.

Ясно одно – возврата не будет. Отныне перед человечеством лежит новый путь. В бездну или к новым вершинам – покажет время.

Хотя, возможно, кое-кто знает об этом пути больше других и уже сейчас может предсказать, что ждет нас впереди. Много таких людей или мало – неизвестно, однако хотя бы один есть точно.

Его зовут Филипп Гриневский. Человек, который в одиночку осмелился бросить вызов чужакам и пока не проиграл...»

Учитель отодвинул ноутбук и потер глаза. Вести записи на портативном компьютере Учитель не любил. Мелкий шрифт на несерьезном экранчике утомлял. К тому же лейтенант постоянно нажимал не те клавиши или вообще прижимал сразу две, компактная клавиатура к этому располагала, но выбора не оставалось. Либо так, либо от руки, что вообще нереально. Кто в последние лет пять-семь писал от руки? Школьники, пенсионеры и Дарья Донцова? Даже врачи выводили свои каракули на бумаге, исключительно если работали в сверхдальней глубинке. Все прочее население страны стучало по клавиатуре. Так и Учитель. Служил участковым – набивал рапорты, отчеты, сводки. Стал бойцом Сопротивления – та же петрушка. Так и привык.

Но все нормальные компьютеры с клавиатурой привычного формата остались в Измайловском бункере. В несуществующем ныне бункере. После разгрома Сопротивления в августе четырнадцатого штаб и отряд ночных охотников покинули свою главную базу по плану эвакуации «Варяг». То есть бункер взорвали после того, как его оставили люди. Взорвали вместе со всем содержимым.

В новом убежище под Лосиным островом нашлось все необходимое для жизни и продолжения борьбы, но до старой базы бункер под Метрогородком все-таки не дотягивал. Вместо мощных компов с большими экранами здесь использовались ноутбуки и всевозможные вариации на ту же тему, а вместо просторных отсеков боевым группам полагались крохотные кубрики – три на три, причем один на двоих, правда, с душем и туалетом. Та же история с дру-

гим оборудованием и помещениями. Например, вместо полноценных тренировочных залов в тоннелях старого метро приходилось довольствоваться одним огромным полигоном – бывшим депо метростроителей. Не предусмотрели проектировщики здесь и горячо любимую всем личным составом сауну, и столовую, которая в старом бункере после ужина плавно превращалась в солдатский бар. Здесь все сделали проще. Проектировщикам удалось выделить место лишь для кухни и линии раздачи. Получил свою еду и ступай в кубрик. А уж о баре нечего и говорить.

Голь на выдумки хитра, и небольшие сабантуйчики народ ухитрялся устраивать в кубриках, но в этом варианте не присутствовало главное – широкое общение. Сколько человек могло втиснуться в одну комнатенку? Восемь, десять от силы. Разве это общение? Исключительно в пределах одной группы, не более того. А в баре старого бункера помещалось хоть сто, хоть двести. И все о чем-то говорили, обменивались опытом в неформальной обстановке. В этом как раз и заключалась главная ценность общения в баре. Даже начальство против таких посиделок не возражало. Теперь же обмен опытом стал вялым, а в некоторых случаях и вовсе невозможным. Например, в случае бывшей группы Ворона, которая ныне именовалась группой Учителя.

Учитель посидел немного, глядя в стену, затем встряхнулся и снова придвинул ноутбук. От тупого созерцания пластиковых панелей лейтенанту стало еще мутнее, чем от тыканья в неудобные кнопки. К тому же думалось в процессе изложения мыслей «на бумаге» гораздо лучше. А пища для размышлений события последних месяцев подбросили немало. Но прежде следовало плавно подвести краткое изложение недавних событий к проблемам текущего времени. Так сказать, переосмыслить все еще не раз и сделать новые выводы.

«Вторжение началось первого декабря двенадцатого года. Практически по всему северному полушарию и практически одновременно появились крупные силы противника. Тяжелая наземная техника и пехота при поддержке воздушных и морских армий атаковали все стратегические объекты, вывели из строя всю электронику землян, в том числе боевую, и заняли города, поселки, а также господствующие высоты. Армии отдельных стран некоторое время сопротивлялись захватчикам, но поскольку оружие чужаков оказалось на порядок совершеннее нашего, настоящий отпор дать не удалось. К пятому декабря сопротивление армий было повсеместно подавлено. Финальной битвой стало сражение за Москву, в котором погибли сотни тысяч наших солдат и не погиб ни один чужак. Тогда люди еще не знали, что серпиенсы практически неуязвимы для нашего оружия. Броня крепка, как говорится, и танки быстры. Только не наши. Чужие.

В общем, пятого мы сдались. А двенадцатого южное полушарие захватили виверры, другая раса чужаков. И захватили его вообще без единого выстрела. Наученные горьким опытом северян, южане предпочли сдаться без боя. В результате Земля превратилась в «присоединенную территорию номер 216», как выражались серпиенсы, или просто в Землю-216, как ее называли виверры.

Месяца два люди пребывали в шоке, ходили с опущенными головами и присматривались к новым хозяевам, а те деловито обустроивались на оккупированной планете, устанавливая свои законы и правила, перестраивая по своему разумению жизнь и с интересом изучая, чем богата захваченная Земля. К третьему месяцу пыль улеглась, и началась новая жизнь. Для кого-то относительно мирная, но серая, беспросветная и тяжелая, а для кого-то военная, опасная, партизанская.

Движение Сопротивления впервые оформилось именно в Москве. Уже потом, в течение года, подполье сформировалось в других частях России и прочих странах, а через полтора года оно набрало силу и превратилось в реальную угрозу новой власти. Но 23 февраля 2013-го первый смотр боевых частей Сопротивления состоялся именно в Москве в Измайловском бункере. И в лучших традициях Красной армии прямо со смотра боевые группы ушли в свой первый рейд.

Вернулись из рейда процентов десять. Все дело в том, что тогда никто толком не понимал, как же противостоять захватчикам, как их уничтожить, проще говоря. Этот провал первой же операции серьезно остудил воинственный пыл командования Сопrotивления и заставил его искать новые подходы к проблеме, выработать новую тактику партизанской войны.

И такие подходы нашлись. А нашли их энтузиасты, поначалу не входившие в состав Сопrotивления. Так называемые ночные охотники – группы добровольцев, вооруженных только холодным оружием. Днем эти люди изображали примерных подданных новой империи, а по ночам нападали на патрули и уничтожали серпиенсов, несмотря на всю защищенность чужаков от пуль и прочих неприятностей. Секрет успеха ночных охотников оказался прост. В результате долгих наблюдений, а также ценой жизни многих отчаянных бойцов охотники вычислили слабое место, крошечную точку (размером с пятак) на шлемах серпиенсов в районе темени, не прикрытую по какой-то причине броней. Поначалу охотники пытались бить в эту мишень из снайперских винтовок, забираясь на крыши, но очень скоро серпиенсы начали выпускать на улицы патрули в сопровождении боевых коконов – одноместных летательных аппаратов, которые легко вычисляли и уничтожали снайперов.

Пришлось охотникам перестроиться и сделать ставку на ближний бой с элементами баскетбола. В том смысле, что, подкравшись к двухметровому серпиенсу (а ниже ростом чужаки не встречались), охотнику приходилось подпрыгивать и бить в «точку» ножом, топором или ледорубом. Технически прием выглядел почти как прыжок баскетболиста, который забивает мяч в корзину, хотя присутствовало в нем и что-то от волейбольного удара в прыжке. Каждый описывал прием по-своему. Зато все одинаково описывали результаты.

Если удавалось проломить чужаку череп, происходило нечто вроде короткого замыкания. В «точке» вспыхивало зеленое свечение, во все стороны по телу серпиенса расползались тонкие светящиеся прожилки, наподобие зеленоватой паутины, и чужак падал, корчась в агонии. Но это при условии, что удар получался действительно сильным и нож или другое оружие входило достаточно глубоко. И еще, если оно оставалось в раневом канале.

Тот, кто пробивал точку, но выдергивал нож раньше времени, рисковал столкнуться с эффектом раненого зверя. Серпиенс все равно погибал, но прежде успевал нанести ответный удар. Если же охотник не экономил, оставлял нож в ране, все заканчивалось быстро и благополучно для человека. Еще одна причина, по которой не следовало держаться за нож в момент, когда серпиенса опутывала светящаяся паутина, – охотника могло ударить током, причем сильно. Напряжение никто не измерял, но несколько человек после таких ударов погибли на месте. Вот почему охотники имели при себе сразу несколько ножей или стилетов, рукоятки оружия изготавливали из резины или просто обматывали толстым слоем изоленты, а после удара в «точку» сразу же отпускали рукоятку оружия и отпрыгивали в сторону.

Для такого варианта охоты требовалась недюжинная сила удара, хорошая физическая подготовка и собственный немалый рост или хотя бы отменная прыгучесть, но эффективность этой тактики оказалась настолько высокой, что Сопrotивление тут же приняло ее на вооружение. Командование решило, что сила, прыгучесть и психологическая готовность напасть на серпиенса (к которому просто подойти-то страшно) – дело наживное.

А вместе с принятием новой тактики Сопrotивление призвало под свои знамена и всех ночных охотников. С марта 2013 года они стали самостоятельным элитным подразделением армии Сопrotивления. И, если честно, только после этого Сопrotивление начали воспринимать всерьез и люди, и чужаки. Оно и понятно. До марта тринадцатого года на счету «официального» московского подполья значилось только три убитых чужака, а счет добычи вольных охотников уверенно приближался к сотне.

Поначалу отряд ночных охотников состоял только из трех групп по десять человек: из группы Архангела, группы Ворона и женской группы Степанковой. Но уже к апрелю отряд

разросся до отдельного батальона, в котором насчитывалось тридцать действующих групп, столько же запасных плюс большой учебный отряд, в котором тренировали новичков.

А к концу мая подобные отряды начали формироваться и на других базах Сопротивления по всей стране.

К августу ночные охотники появились во всех отрядах Сопротивления по всей Земле.

А к первой годовщине вторжения чужаков ночная охота превратилась из варианта диверсионной борьбы в настоящую полномасштабную войсковую операцию. Не настолько эффективную, чтобы изгнать захватчиков, но достаточно серьезную, чтобы накалить обстановку до предела и удерживать чужаков в напряжении, не позволяя им толком заниматься чем-то еще, кроме борьбы с Сопротивлением.

А ведь помимо ночной охоты Сопротивление разрабатывало и новые методы противодействия захватчикам. В частности, московский штаб создал в бункере Глубинный-2 огромную научную лабораторию, в которой ученые и инженеры без устали изучали оружие, средства защиты чужаков и пытались создать то, что сможет с ними конкурировать.

Собственно, с этого момента и началась странная история Филиппа Грина. Человека, который был одним из многих до того, как стал сотрудником лаборатории Глубинный-2 и превратился в неоднозначную, но знаковую фигуру после того, как изобрел «Пилигрим» – то самое контроружие, способное противостоять военной машине чужаков. А уж кем он стал после того, как чужаки подавили августовское восстание...

Пока на этот вопрос затрудняются ответить даже самые лучшие аналитики.

Формально его считают провокатором, который обманул всех, подсунув Сопротивлению недоработанное оружие возмездия. Сопротивление сделало на «Пилигримы» ставку и подняло восстание, уже в ходе которого выяснилось, что использовать «Пилигримы» можно лишь в ближнем бою и только против пехоты. Обещанного разрушения куполов и снятия силовой защиты с тяжелой техники врага не произошло. Чем это обернулось, известно: серпиенсы разгромили войска Сопротивления и вынудили оставшихся в живых партизан уйти в глубокое подполье.

Так звучит официальная версия, но очень многие серьезно сомневаются в справедливости предъявленных Грину обвинений. Слишком уж ситуация смахивает на классическую подставу. И Филиппа неизвестный враг выбрал на роль козла отпущения именно потому, что Грин – гениальный ученый, который мог и доработать «Пилигримы», и придумать что-то еще более мощное.

Единственное, что действительно выглядело странным в этой щекотливой ситуации, так это поведение самого Грина. Он не признал свою вину, но и не сказал ни слова в свою защиту. Он вообще отнесся к собственной судьбе совершенно наплевательски. Он будто бы хотел, чтобы его несправедливо осудили и расстреляли.

И закончилась, а вернее перешла на новый уровень, эта история тоже очень странно. Сочувствующие Грину товарищи попытались его спасти, устроив спектакль вместо реальной казни, но не сумели этого сделать, поскольку в ситуацию вдруг вмешалась контрразведка в лице своего начальника товарища Деда. Главный особист умело превратил фарс в трагедию, в результате погиб Воронцов, и только богу известно, как все обошлось малой кровью для Филиппа. Но Грин все-таки выжил и даже умудрился сбежать. Каким образом? А вот в этом как раз и заключается странность.

Грин будто бы заранее просчитал каждый шаг и даже то, насколько тяжело будет ранен во время неудавшегося расстрела. Звучит безумно, но ничем другим, кроме точнейшего расчета, никаким стечением обстоятельств поведение Грина и, главное, его исчезновение не объяснить...»

Учитель вновь отодвинул ноутбук, затем взглянул на часы и закрыл компьютер совсем. Во-первых, на сегодня он перевыполнил все нормы. Столько за один присест лейтенант не

писал с тех пор, как служил участковым. Восстанавливать творческую форму следовало постепенно, без фанатизма. Во-вторых, через десять минут в кубрике у командира собирались на совещание все бойцы группы. И в повестке дня совещания стоял как раз вышеупомянутый вопрос: как найти ответ на загадку Грина? На загадку, состоящую из трех связанных между собой подвопросов. Кто подставил этого «кролика Роджера», почему Грин не сопротивлялся и кого эта подстава прикрыла на самом деле?

Первый и последний вопросы, скорее всего, имели один ответ. Кто подставил, того и прикрыла. А вот на вопрос номер два, пожалуй, мог ответить только сам Грин. Но чтобы с ним поговорить, Учителю следовало вывести на чистую воду истинного провокатора. Иначе Грина в родные пенаты не вернуть и не расспросить.

Зачем это все понадобилось Учителю? Для этого имелись вполне серьезные причины. По вине истинного провокатора рухнуло Сопротивление – это раз. По вине провокатора – а не Грина, который всего-то защищался, – погиб Воронцов. Это два. Учитель, как старый законник, нюхом чуял, что это дело может превратиться в нечто гораздо большее. Очень уж много торчало из его швов белых ниток. Это три.

А главное, Грин, безропотно принимая суровый приговор, показал, что дело стоило жизни. А ведь этому парню было что терять. И свои гениальные проекты, и Вику, и просто саму жизнь, которая только вырисовывалась впереди. Хорошая или плохая, но для Грина она только начиналась. И вдруг такой поворот. Его подставляют, а он молчит. Грин, конечно, славился своей эксцентричностью, и Вика это подтверждала, но не настолько же он чокнутый, чтобы идти на смерть просто так, из-за какого-нибудь надуманного принципа.

Вот во всем этом Учитель и хотел разобраться, тряхнув стариной и проведя собственное расследование. Тем более что службе оно не мешало. Да и не особо загружались службой выжившие ночные охотники. Равно как все остальные. Разгромленное в августе 2014 года Сопротивление ужалось до Подполья. Народу выжило мало, поэтому на серьезные операции никто пока не решался.

Начальство называло установившееся затишье периодом накопления сил и ресурсов. Лично Учитель слабо понимал, откуда возьмутся новые силы и ресурсы, если потеряны не только почти все базы, но и прерваны связи между округами и отрядами. Но начальство не теряло надежды. Пока не накопятся силы для нового удара, командиры пытались заниматься пропагандой и агитацией среди мирного (или по классификации Сопротивления – «инертного») населения, а ночным охотникам и другим бойцам они предписывали ухаживать за оружием, изготавливать «расходный материал», то есть заточки и другие эффективные в ближнем бою с серпиенсами предметы, а также тренироваться.

В общем, тот факт, что Учитель хоть чем-то занят, командиров только радовал. Другие-то бойцы и охотники просто-напросто кисли по кубрикам. А некоторые вовсе дезертировали. И вот это как раз стало для начальства проблемой номер один, на этом оно сосредоточило все внимание.

Пожалуй, только главный контрразведчик Сопротивления полковник Рублев, он же товарищ Дед, краем глаза наблюдая за активностью Учителя, пару раз вскользь выражал ему свое неудовольствие. Почему – понятно.

По возвращении с неудавшейся казни Дед некоторое время молча обдумывал случившееся, а потом все-таки вызвал бывшую группу Воронцова и устроил ей профилактическую беседу. Тогда договорились о следующем: поскольку никто, кроме самого Деда, его главного помощника капитана Рабиновича и бойцов из группы Учителя, не знает, что Грин выжил и сбежал, охотники будут об этом молчать. Дед подключит к делу нескольких проверенных агентов, возьмет поиски сбежавшего Грина под личный контроль, а бывшую группу Воронцова переведет в свой личный резерв, на повышенную зарплату и усиленный паек.

Деваться бойцам было некуда, и они согласились. Хотя про себя каждый подумал, что рано или поздно Дед непременно подставит группу. Для того он и оставил ее у себя под рукой. Как только появится безнадежное задание, так сразу и отправит воронцовских на верную гибель. А зачем Рублеву свидетели его позорного бегства с места неудавшейся казни? Незачем. Ведь мало того, что Дед опозорился, так еще и предателя не расстреляли, и вообще он умудрился уйти. Тяжелораненым, но вчистую победившим Деда в соревновании по стрельбе наугад. Просто грустный анекдот, а не ситуация.

– Но пока формально нас не за что расстрелять, вот и приблизил, чтоб в поле зрения оставались и не болтали, – когда бойцы вернулись «с ковра» в расположение группы, попыток Учитель.

– А почему «пока»? – не на шутку встревожился Борис. – Потом будет за что?

– Этот найдет повод. Знаю я их сучью породу, особистов драных. Хлебом не корми, дай кого-нибудь до цугундера довести...

В общем, конкретно группу Учителя бездействие Соппротивления вполне устраивало. Пока генерал Алексеев не придумает какую-нибудь акцию, бойцам лейтенанта Учителя ничто не грозило. И пока сохранялся этот статус-кво, Учитель старался не терять времени даром.

Правда, далеко продвинуться за три месяца расследования он так и не сумел. Слишком мало он собрал улик, да и свидетели не особенно желали сотрудничать. Как ни старался Учитель, расследование постепенно заходило в тупик. О чем он и сказал вчера Вике, самому заинтересованному в успехе расследования лицу. Именно по ее инициативе группа собиралась на очередной мозговой штурм. Вика категорически отказывалась сдаваться.

Учитель вновь взглянул на часы, и в ту же секунду дверь открылась. Бойцы во главе с Рыжим ввалились в кубрик, не опоздав ни на миг. Что значит школа.

– Привет, командир, – Рыжий уселся верхом на стул. – Зачем звал?

– Тема прежняя, рассаживайтесь.

– Опять про Грина? – Рыжий сделал вид, что собирается зевнуть. – Не надоело?

– Нет! – резко отчеканила Вика.

– Нет так нет, – Рыжий поднял руки. – Чем плевать в потолок, лучше уж так пообщаться. Какие новые соображения, Учитель?

– Погодь с новыми, – вмешался Танк. – Со старыми разобраться бы. Я тут на досуге тоже помозговал чуток и кое-что понял...

– Не прошло и четырех месяцев, – поддел его Рыжий.

– Слышь, Учитель, – Танк никак не отреагировал на подначку, – ты говорил, что мы возьмем настоящего провокатора в лесу, когда будем Грина как бы расстреливать. Ну и почему мы его не взяли?

– Точно, был такой разговор, припоминаю, – поддержал Танка Рыжий. – Мол, кто из лишних окажется поблизости, тот и реальный провокатор. Но там только Дед появился. Ты его провокатором считаешь?

– Какие вы прямолинейные, – невесело усмехнулась Вика. – Там поблизости, знаете, сколько народу топталось, кроме Деда?

– Ну, например? – Танк обернулся к Вике. – Я никого больше не видел.

– Спутник видел, – сказал Боря. – У меня есть... вот... запись. Кроме нас человек двадцать. Вот здесь оцепление стояло, а вот, видите, Дед и его помощник. А на другой стороне поляны, вот на этой просеке черная машина стояла, видите?

– И кто сидел в этом «воронке»?

– Какой-то тип, не знаю, кто. Но Грина увез он. Смотрите. Вот он уходит в лес, а вот – возвращается. С Грином на руках. Говорит ему что-то. Хотите, увеличу картинку? Лицо Грина хорошо будет видно.

– Не надо, – Учитель поспешил пресечь глупую инициативу Бориса. – Грин жив, это главное.

Учитель покосился на Вику. Она скользнула взглядом по экрану и тут же отвернулась, закусив губу. Даже на длинном фокусе удавалось разглядеть, что вместо лица у Грина кровавое месиво.

– Я могу внешность этого типа смоделировать, – не унимался Боря.

– Тоже ни к чему, – Учитель коротко махнул рукой. – Ясно, что это не провокатор.

– А его сообщник, – вмешался Рыжий. – В смысле, сообщник Грина. Удивительно, неужели этот очкарик все продумал заранее?

– Бред какой-то, – пробасил Танк. – А если бы Вика его замочила? Откуда он мог знать, что пуля вскользь пройдет? Бред! Не мог он этого предусмотреть.

– Вы снова уходите от темы, – сказал Учитель. – Если не брать в расчет этого человека на черном «Крузере», остаются бойцы оцепления и Дед.

– В оцеплении два десятка щеглов стояли, вон те двое из охраны, эти из караульной, а те пятеро из хозроты, – сказал Рыжий, указывая на фигурки, замершие вместе с кадром на экране Бориного компьютера. – Ни одного кандидата в провокаторы не вижу. Ни по званию, ни по допуску к секретам. Даже капитана Рабиновича, помощника Деда, трудно в чем-то таком заподозрить. Кто он, если задуматься? Верная собачонка Рублева. Секретарь-невидимка. Тень отца Гамлета.

– И в город им всем непросто выбираться, – поддержал его Танк. – Всем, кроме начальника особого отдела.

– Тогда получается, Дед, – сделала вывод Вика. – Он имеет допуск к секретам, свободный выход в город, и он очень уж вовремя появился на поляне.

– Дед не просто чересчур вовремя там появился, он еще и активно участвовал, – задумчиво проронил Учитель. – Как мы и предполагали.

– Значит, все-таки он? – спросил Танк.

– Есть еще третий вариант, – вмешался Боря.

– Тоже через спутник увидел?

– Нет, я... это... ну, подумал.

– О как! – Рыжий усмехнулся.

– Чего ты ухмыляешься? Я подумал, что мы могли ошибаться, и провокатор просто не приходил на полянку.

– Логично, – согласился Учитель. – Тогда придется начать все заново.

– Тогда устанем его вычислять, – исправил командира Рыжий. – Плюс ко всему не исключен вариант, что мы напрасно наезжаем на Деда и провокатор все-таки Грин.

– Нет! – резко отреагировала Вика.

– Все, молчу, – Рыжий поднял руки. – Тем более что меня эта тема больше не волнует. Я сползаю с ковра.

– Почему? – спросил Учитель.

– Не верю, – честно глядя командиру в глаза, ответил Рыжий. – Если пошлют в ночное, я в группе. Если нет, приходите, в картишки перекинемся, разговоры поразговариваем и весело побухаем. А вот эти игры в сыщиков... не хочу в них играть. Не мое это. Уж прости, командир.

– И на меня зла не держи, – сказал Танк. – Мы на этом деле Ворона потеряли, это ничем не оправдать и никакими расследованиями не исправить. Может, одумаетесь, бросите это дело?

– Нет, не бросим, – Учитель коротко посмотрел на Вику (девушка отрицательно качнула головой), затем на Бору. – А ты, Борис, что скажешь?

– А мне интересно, – Боря пожал плечами. – А что еще делать? Я остаюсь.

– Хорошо, – Учитель снова обернулся к Рыжему и Танку: – Одна только просьба...

– Будем молчать, обещаем, – предвосхищая его реплику, заверил Рыжий. – Как раз в память о Вороне. Он в твою затею с фальшивой казнью верил, и в невиновность Грина тоже верил, вот мы и уважим его. Да, Танк?

– Будем молчать, – боец кивнул. – Даже если спалитесь, лично я особистам ничего не скажу.

– И на том спасибо, – Учитель встал. – Теперь мы пойдем к Вике, а вам приятно провести время.

– Это твой кубрик вообще-то, – сказал Рыжий. – Лучше мы уйдем.

– Нет, останьтесь. Просто посидите здесь. Для конспирации.

– Не вопрос, – Рыжий кивнул Танку: – Сдавай.

Одновременно с Учителем поднялась Вика, а Боря, как обычно, притормозил, уткнувшись носом в компьютер.

– Боря, – окликнула его девушка.

– Ага, сейчас, – Борис поднял указательный палец. – А знаете, кто еще находился поблизости? Я только сейчас это понял...

– Борис, – Учитель повысил голос, – у Вики обсудим. Идем!

– А, ну да, – Боря сложил ноутбук, сунул под мышку и тоже вскочил.

Причем вскочил как-то чересчур резво, будто бы его подкинуло на трамплине. Видимо, то, что он вдруг обнаружил на записи, действительно стоило внимания. Да еще какого. Во всяком случае, глаза у парня горели, а ноги почти пустились в пляс от нетерпения.

– Не егози, – Учитель подтолкнул Борю к выходу, – шагай первым.

– Ага, – Боря все же не сумел справиться с эмоциями и расплылся в широкой улыбке. – Вы обалдеете, когда увидите, кто еще там мелькал! Это просто бомба!

– Верю, иди!

В кубрике у Вики Учитель устало плюхнулся в пластиковое креслице и прикрыл глаза рукой. Вика и Боря сели на койку. Некоторое время все молчали, как бы переваривая то, что произошло минуту назад. Поступок Танка и Рыжего не выглядел предательством, но неприятный осадок остался. Особенно сильно переживал Учитель. Это понимал даже Боря. Юноша справился с эмоциями и заговорил, только когда Учитель отнял руку от глаз и вопросительно взглянул на разведчика группы.

– Я эту запись за два месяца сто десять раз просмотрел, – возбужденно зашептал Борис. – И каждый раз что-то меня не устраивало. Все вроде бы вижу, все понимаю, а цепляется глаз за что-то, и не пойму за что. Только сейчас понял. Вот, взгляните!

Боря открыл ноутбук и развернул так, чтобы застывшую на экране картинку видели товарищи.

Ничего особенного лично Учитель не увидел. Лес как лес. Холодный, голый, пустой. Где-то слева от этого места стояли бойцы оцепления, а еще немного левее – Дед и следователь Рабинович. По центру картинки Учитель никого не видел, но стрелка курсора указывала именно на центр.

– Лес, – констатировал Учитель.

– Погоди, – Вика отняла у Бори компьютер и уставилась в экран. – Вот это... контуры... да?

– Именно! – Боря радостно хрюкнул. – Контуры змеевика в боевом режиме! Заметьте, он один, но не проходит мимо, а стоит и смотрит туда же, куда все.

– Проходил, услышал выстрелы, остановился, – Учитель пожал плечами. – Не понимаю, отчего ты так возбудился?

– Ты на время посмотри. В этот момент Фил еще яму копал!

– А ты можешь это изображение как-нибудь... обработать, что ли? – Учитель неопределенно помахал рукой. – Непрозрачным этого змеевика сделать.

– Пять минут! – заверил Боря, сиюсь придать лицу серьезное выражение. – Перекурите пока.

Вика едва сдержалась, чтобы не рассмеяться. Учитель тоже спрятал усмешку. В своей деловитой наивности Боря выглядел неподражаемо.

Компьютерная обработка изображения помогла несильно. Стало ясно, что за людьми действительно наблюдал серпиенс, но определить, кто это, не сумел бы даже опытный разведчик, знающий всех врагов в лицо. Закрытый щиток боевого шлема исключал идентификацию. Учитель вздохнул и покачал головой:

– Толку ноль. Ясно, что это наблюдатель из местной стражи, ясно, что его пригласил на шоу провокатор, но не более того.

– Уже немало, – заметил Боря. – Это означает, что Грин невиновен. Он не мог знать, когда его выведут на расстрел. А если б знал, как бы он сообщил из камеры?

– Мы и так знаем, что Грин тут ни при чем.

– Погодите, – снова вмешалась Вика. – Боря, а можно в профиль его рассмотреть. Хотя бы чуть повернуть.

– Без проблем, хотя будут те же... только в профиль, – Борис подкорректировал ракурс и вдруг хмыкнул. – Нет, не те же... и вообще не они.

– Это женщина, – перевела Борины иносказания на нормальный язык Вика. – Грудь, округлые бедра, талия... все на месте.

– Это Арианна? – удивленно спросил Учитель. – В таком случае сомнений нет, провокатор находился на поляне или поблизости. Одна она не пришла бы.

– Тогда провокатор – это Дед, без сомнений, – сказала Вика. – Вариант с неизвестным практически отпал.

– Ничего не отпал, он мог остаться за кадром, – заупрямился Боря. – Я еще пороюсь в записях. В конце концов тот тип на черной машине... чем не провокатор?

– Слишком крупный, – возразил Учитель. – Грина нес, как ребенка, на вытянутых руках. На других записях шпион помельче. Но все равно поройся.

– Я слышал, в штабе новый график составляют, – постепенно углубляясь в изучение сетевых записей, а потому как бы между делом проронил Боря. – Скоро снова на охоту начнут нас выпускать.

Учитель и Вика многозначительно переглянулись.

– Тогда нам тем более надо напрячься и поспешить, – сказал лейтенант. – С новой охоты мы можем не вернуться. Не Дед подставит, так провокатор. А уж если мы угадали и провокатор это и есть Рублев, то нам вообще ничего не светит.

– А? – Боря поднял взгляд. – Я пропустил. Что ты говоришь?

– Ничего, Боря, работай, – Учитель похлопал его по плечу. – И не стесняйся. Если что-то потребуется взломать, взламывай. Будем действовать в открытую. Выбора нет.

– Тогда и нам можно больше не стесняться? – спросила Вика.

– Да, мы тоже пойдем ва-банк. Черт с ним, с Дедом, не арестует, надеюсь. Сейчас уже поздно, а прямо с утра я пойду к Сан Санычу, а ты попробуй на Архангела выйти, он тебе сочувствует и вообще симпатизирует. Они с Вороном большие друзья были. Может, у него что-нибудь по провокатору найдется. Записи или вещдоки. Или просто припомнит странные факты. Не одной же нашей группе провокатор палки в колеса вставлял. По моим подсчетам, он больше года в нашем тылу действует. Наверняка у каждой группы накопились свои неприятные истории, только никто до сих пор не задумывался, есть ли в них что-то общее.

– Считаешь, я смогу сопоставить?

– Конечно. Ты девушка смышленная. Да и выбора у нас нет, время на раскачку закончилось. Или в ближайшие сутки мы вычисляем провокатора, или послезавтра он подставляет нас, как подставил Грина.

* * *

За полгода, прошедшие с момента августовского разгрома Соппротивления, агент Гюрза так и не получил того, что хотел. Серпиенсы признали его заслуги на словах, но на деле их благодарность талантливому агенту-провокатору не выразилась ни в чем конкретном.

Деньги, которые регулярно зачислялись на его счет, Гюрзу волновали мало. Он даже толком не знал, сколько ему платят, тридцать сребреников в месяц или миллион кредитных единиц – новой мировой валюты – в день. Он всегда тратил ровно столько, сколько считал нужным, и это еще ни разу за два с половиной года услужения чужакам не приводило к обнулению его счета. Такая ситуация Гюрзу устраивала, а потому в детали он не углублялся.

Звание агента высшего уровня, которое давало Гюрзе особые полномочия и привилегии, провокатор получил еще до августовских событий, за прежние заслуги. Повысить же агента до серпиенса первого уровня непосредственная начальница Гюрзы московский приор стражи Арианна Дей по-прежнему лишь обещала. Гюрза пару раз осторожно интересовался, как продвигается это дело, но прямого ответа не получил. Видимо, заявка Арианны лежала под сукном в Лондоне, в канцелярии заместника Великого Дракона на Земле-216 Магнуса Арта. Серпиенсы оказались еще большими бюрократами и любителями поиграть в политику, чем европейские чиновники старого образца. Впрочем, на быстрое решение этого вопроса Гюрза и не рассчитывал.

Да и не особенно ему это требовалось. Что он от этого получит? Уважение? Вряд ли. Только возможность потешить самолюбие. Звание серпиенса первого уровня, которое за особые заслуги присваивалось аборигенам, считалось почетным, но не делало человека равным его хозяевам. Приближало, наделяло еще большими правами, раз и навсегда выделяло из толпы и даже служило разрешением пользоваться технологиями серпиенсов, например, таким людям разрешалось летать в коконах, пусть и только пассажирами. Но в настоящего серпиенса от всего этого человек не превращался. Так и оставался для хозяев существом низшего порядка, верной дрессированной зверушкой.

Кстати сказать, у настоящих серпиенсов существовало аж двадцать восемь уровней. И первый присваивался сразу по рождении, второй, когда маленький змеевик обучался ходить, а третий, когда он начинал говорить. Дальше уровни приходилось зарабатывать с большими усилиями, но в целом ниже десятого к концу жизни не оставались даже последние неудачники и тупицы. А нормой считалось иметь уровень от пятнадцатого до двадцать пятого. Допустим, такие чины, как приор стражи, в частности Арианна Дей, имели двадцать первый уровень. Высший двадцать восьмой имел только сам Великий Дракон. Так что почетное звание имело действительно символическое значение, как бы свидетельствовало об условном перерождении аборигена, видимо духовном.

Другие белоповязочники смотрели на серпиенса первого уровня снизу вверх и с нескрываемой завистью, но опять же назвать такое отношение уважением нельзя. Скорее это походило на смесь ненависти и ревности. Негодяи всех мастей завидовали более удачливому конкуренту и ненавидели его за то, что он умудрился продать чужакам свою часть Родины дороже, чем они. Ну и чем тут ему гордиться, чем тешить самолюбие? Только тем, что утер другим сволочам нос? Вор у вора дубинку украл и язык показал? Да уж, повод для гордости что надо...

Гюрза усмехнулся в ответ на свои мысли.

С другой стороны, если забить на мечту о получении почетного звания «серпиенс первого уровня», успокоиться на достигнутом, мгновенно окажешься в стане завистников. Кто-нибудь обязательно обойдет на повороте и получит это звание раньше, чем он. А у Магнуса четкие инструкции от Великого Дракона, как поговаривают среди «белых повязок», не больше одного присвоения почетного звания в год. А не найдется достойного кандидата, так вообще

ни одного. До следующего года. Ждать своего шанса еще год, глядя при этом на ухмыляющуюся физиономию более удачливого предателя? Это слишком!

Да Гюрзе вряд ли удастся в скором времени пройти с гоголем перед соратниками и покомандовать ими. Пока окончательно не уничтожено Сопротивление, никто не позволит агенту перейти на легальное положение. Еще год – наверняка. Но ведь потом заслуги провокатора могут померкнуть в глазах хозяев, и неизвестно, чем ему удастся вновь подтолкнуть свою карьеру в гору. И удастся ли в принципе. Короче, «куй железо, не отходя от кассы», как сказал известный киноперсонаж.

Да, протеже Арианны Дей пока не особенно котировался в высших кругах чужаков, хотя и провернул такую масштабную операцию, как подготовка к разгрому сильнейшего в Евразии Московского крыла Сопротивления. А затем еще и подставил Грина, лишив тем самым партизанское подполье самой светлой головы и заодно генератора идей в плане разработки оружия, эффективного против чужаков.

Да, Гюрзе предстояло свернуть еще не одну гору, практически такую же по высоте и массе, как предыдущие, чтобы получить заветное звание. Но игра стоила свеч. Не стал лучшим из людей, так хотя бы стать первым среди нелюдей.

Причем, первым в прямом смысле. До сих пор, за три года оккупации звание «серпиенс первого уровня» не присваивалось еще никому. Были два кандидата, один в Германии, другой в Америке. Первый даже прошел процедуру посвящения, но его убил какой-то партизан-смертник прямо в главном зале Берлинского рейхстага. Второй же просто бесследно исчез, когда стало известно о том, что на него оформлена заявка.

Гюрза прекрасно понимал, что и его может постигнуть подобная участь, но не боялся. Он и так каждый день ходил будто бы под бетонной плитой, висящей на стропях ржавого подъемного крана. Плита могла сорваться в любой момент, поэтому Гюрза научился не думать об опасности. Чему быть, того не миновать. А пока ничего не решено, не стоит и загружаться. Работай и не забивай голову фантазиями, это правило Гюрза соблюдал неукоснительно.

Так что посвящение в условные серпиенсы все-таки стоило того, чтобы приложить максимум усилий. И даже чуть больше максимума, ведь для Гюрзы в этом деле имелся один особый момент. Почетное звание приближало Гюрзу к Арианне. Приближало не в служебном, а в личном плане. Да, да, именно так.

Агент думал, что выдает желаемое за действительное, когда в конце августа почувствовал, что между ним и суровой госпожой приором проскочила некая искорка. Но невероятная, предосудительная с любой точки зрения, возможно, даже патологическая симпатия человека к женщине-серпиенсу зародилась и не угасла, как можно было ожидать, а даже переросла в нечто большее. Во всяком случае для Гюрзы это стало действительно чем-то большим. Не интересом ради личной выгоды, не созерцательным вожделением недостижимого идеала и не какой-нибудь глупой бравадой: вот, мол, я какой, не боюсь за ней приударить. Нет, даже в высохшей, как пустыня, и черной, как дымоход, душе предателя Гюрзы все же осталось что-то способное гореть или хотя бы тлеть. И как раз на этот клочок промасленной ветоши упала та самая искорка. И «душевная ветошь» задымила, а вскоре и разгорелась.

Гюрза поначалу сам не поверил, что такое возможно, и даже попытался затоптать разгорающийся в душе костерок, но тут случилось нечто и вовсе невероятное. Арианна парой полупамеков дала понять, что тоже симпатизирует агенту. И не потому, что он талантливый шпион и провокатор, который помогает поднять личный рейтинг Арианны, как резидента. Нет. Арианна дала понять, что Гюрза интересен ей как личность. Более того, как мужчина.

Гюрза не знал, по каким критериям женщины из мира серпиенсов оценивают мужские достоинства избранников, поэтому некоторое время пребывал в недоумении. Что могла найти такого интересного и необычного высокомерная и холодная красавица Арианна в существо чуждого вида? Чуждого и, главное, низшего вида. Чем таким особенным обладал Гюрза в срав-

нении с мужчинами серпиенсами? Агент довольно долго не мог этого понять, но в конце концов он все-таки понял, что так зацепило Арианну. Отчего она вдруг решилась на подобие романа с человеком.

Серпиенсы-мужчины сильны, но предсказуемы. Они мыслят исключительно логично и не могут отступить от этого образа мышления даже на шаг. Они невозмутимы, хорошо воспитаны, надежны и дисциплинированы, а потому... скучны до тошноты. А уж если сравнивать с непредсказуемым, темпераментным, противоречивым, дерзким и зачастую нелогичным Гюрзой, любой серпиенс выглядел просто замшелым валуном, а не мужчиной. Женщины любых видов и рас предпочитают жить как за каменной стеной, но непременно хоть раз в жизни увлекаются «плохими» парнями. И если таковых по определению нет среди мужчин своего вида, почему бы не увлечься аборигеном? Вот с такого внутреннего посыла Арианны все и началось. А дальше пошло-поехало.

Ни до чего совсем уж непереносимого Арианна и Гюрза пока не дошли, но даже того уровня отношений, на который агент поднялся, а его начальница опустилась, трибуналу серпиенсов могло хватить для вынесения обоим приговоров. Гюрзе смертного, Арианне – пожизненного изгнания на Землю-19 или на Землю-Океан. Эти планеты считались у серпиенсов наименее пригодными для жизни вариантами Метрополии. Хорошо, что пока никому из серпиенсов не пришло в голову заподозрить приора стражи в чем-то подобном.

«А ведь смогут, если захотят, – подумалось Гюрзе. – Встречаемся чаще, чем раньше, времени вместе проводим больше. Но при этом никаких особых подвижек в делах не происходит. Раньше в результате трех-четырех встреч планировалась целая операция, теперь же решаются только мелкие задачи, которые и без специальных встреч решились бы легко и непринужденно, в рабочем порядке».

Видимо, Арианна размышляла о чем-то подобном, поскольку вот уже третью встречу подряд она поднимала один и тот же вопрос: как найти Грина? Этот небольшой, но почему-то крайне важный для Арианны вопрос мог стать, по ее мнению, той самой последней каплей, которая наполнит чашу и убедит Магнуса Арта, что Гюрза достоин звания серпиенса первого уровня, а сама госпожа приор стражи заработала если не перевод в Метрополию, то хотя бы отпуск. Гюрзе не хотелось, чтобы Арианна уезжала, но в то же время ему хотелось получить заветное звание. Почему – читайте выше.

Так что Гюрза не возражал, а всячески старался помочь хозяйке. К тому же он неплохо ориентировался в течениях и подводных камнях внутренней политики серпиенсов и прекрасно понимал, что никакой перевод на Землю-1 Арианне не светит. Длительный отпуск – максимум.

Магнус Арт не любил Арианну. Или, наоборот, любил, но вынужденно держал ее в черном теле, чтобы не давать нового повода злым языкам, которые давно сплетничали о неудачном романе наместника и госпожи приора. Сплетники утверждали, что именно тайная связь, о которой узнала супруга Магнуса, стала причиной, по которой Арианна покинула Лондон, столицу оккупированной серпиенсами территории, и заняла должность московского приора стражи. Должность серьезную, но хлопотную и бесперспективную.

Так что поимка сбежавшего Грина, по мнению Арианны, разом могла решить массу проблем. Но в чем особая ценность Грина для серпиенсов Арианна так и не призналась, просто попросила Гюрзу принять этот факт как аксиому. Что оставалось агенту? Только поверить хозяйке и засучив рукава взяться за работу.

Для начала Гюрза попытался понять, где искать сбежавшего клиента. По линии Сопротивления никакой информации он найти не сумел. Официально партизаны считали Грина мертвым. Неофициально разведка его искала, но пока не преуспела. По линии международного «братства предателей» отыскать след Грина также не удалось. Теми же результатами могли «похвастаться» и другие агенты Арианны, в том числе агенты-серпиенсы, действующие как на оккупированной территории, так и в нейтральной зоне между владениями змеевиков и виверр,

и даже в южном полушарии, на территории кошатников. Грин исчез, будто бы канул в воду. Или перешел в другое измерение. Хотя Гюрза предпочел бы, чтобы Грин и вовсе ушел в небытие.

«Большинство уходит в небытие, и лишь единицы уходят в историю».

Гюрза не помнил, где вычитал эту фразу, но именно эти слова почему-то всплыли из глубин памяти, когда он в очередной раз прибыл на встречу с Арианной. Вся проблема заключалась в том, что Грин не ушел ни в небытие, ни в историю, ни в параллельное пространство. Это сто процентов. Он остался в нормальном измерении, при этом умудрился выжить после расстрела и скрыться в неизвестном направлении.

– Мы можем искать его вечно, – расположившись в кресле, сказал Гюрза в сотый, наверное, раз за три месяца, прошедшие с момента исчезновения Грина.

– У нас гораздо меньше времени на поиски, – Арианна полулежала на массивном кожаном диване, напротив камина, совершенно по-женски поджав ноги и укутавшись в теплый вязаный платок.

Такие платки изготавливали, кажется, в Вологде, Гюрза плохо разбирался в подобных вещах. Зато он хорошо разбирался в привычках Арианны. Когда она вот так задумчиво смотрела на огонь в камине и не пыталась строить из себя начальницу, человек мог позволить себе забыть, что перед ним высшее существо. Мог даже подойти, сесть на подлокотник и погладить женщину своей мечты по волосам. Арианна от этого становилась и вовсе похожей на сытую расслабленную кошку. Разве что не урчала.

Гюрза подался вперед, чтобы встать с кресла и переместиться на диван, поближе к Арианне, но госпожа приор будто бы вспомнила, зачем вызвала агента, и сменила позу. Теперь она сидела прямо, опустив ноги на пол, правда, платок с плеч не скинула. Значит, у Гюрзы все-таки оставался шанс сесть рядом с хозяйкой и прикоснуться к ее волосам, а быть может, и осторожно обнять ее. На большее Гюрза не рассчитывал. Да и вряд ли вообще существовала возможность сделать «что-то большее».

Нет, проблема заключалась не в анатомии. Не считая вертикальных зрачков, тела серпиенсов не отличались по строению от тел людей. Но имелся один нюанс. Электрическая активность тел чужаков превышала все разумные пределы даже в спокойном состоянии, а уж когда серпиенсы сердились или возбуждались, прикасаться к ним следовало только в толстых резиновых перчатках. Проще говоря, даже невинный поцелуй мог закончиться для человека электрошоком. Что уж говорить о большем.

Гюрза все-таки закончил начатое движение. Он поднялся, но не пересел на диван, а подошел к камину, взял из коробки пару поленьев и подбросил в огонь. Сегодня для встречи Арианна выбрала, пожалуй, самое приличное местечко за всю историю их отношений. Им стала заброшенная усадьба в Серебряном Бору. Заброшенная, но по-прежнему очень уютная.

Все-таки близкое общение с человеком пошло Арианне на пользу. Она начала понимать хоть что-то в таких вещах, как красота и уют, начала осознавать, что потакание своим маленьким слабостям и неуставным желаниям вовсе не является чем-то пограничным с изменой Родине и присяге. Проще говоря, «снежная королева» начала оттаивать.

Возможно, все это она понимала и раньше, без помощи Гюрзы, но не знала, как реализовать свои желания. Где взять точку опоры, чтобы перевернуть свой взгляд на окружающий мир. Когда же Гюрза стал этой точкой опоры, Арианна начала прозревать.

Со вкусом выбранная для сегодняшней встречи усадьба, вологодские кружева на плечах, задумчивый и немного грустный взгляд на огонь в камине... Все эти штрихи никак не вписывались в портрет прежней суровой начальницы стражи Арианны Дей, зато идеально ложились на новый холст. И это радовало Гюрзу более всего.

Даже больше личных ощущений и переживаний, которые всколыхнулись у Гюрзы в душе, когда он приехал в этот живописный уголок и с наслаждением вдохнул чистый воздух. Ведь в первую минуту ему даже показалось, что вернулось прошлое. То самое, мирное, довоенное,

в котором он был совсем другим человеком. Да просто – был человеком. В чем-то ушедшее навсегда время проигрывало настоящему, в чем-то выигрывало, но одно бесспорно – до вторжения Гюрза получал удовольствие от тех мелочей, которые теперь пропускал мимо глаз, ушей и вообще сознания. От чистого воздуха в сосновом лесу, от красивого заката, от общения с приятными людьми. Когда-то он умел все это замечать и любить...

Но потом пришли чужаки, и уютный старый мир рухнул в тартарары. Вместе с маленькими радостями, красотами и свежим воздухом. И вместе с частью населения, которое выбрало партизанскую жизнь в подземельях.

Гюрза попал в подземный стан борцов за свободу случайно и при первом же удобном случае попытался вернуться в более привычный подлунный мир, но этот мир уже изменился до неузнаваемости. В нем жили гиганты-чужаки, а люди только выживали. У кого-то получалось лучше, у кого-то хуже, у кого-то вовсе не получалось. После десятилетий не идеальной, но привычной прежней жизни новое существование казалось кошмаром наяву. Но лично для Гюрзы еще большим кошмаром представлялась смерть, которая неминуемо грозила всем, кто ушел в подвалы. Поэтому из двух кошмаров он выбрал меньший.

Он отправился к предшественнику Арианны, местному приору стражи, то есть к начальнику московского оккупационного гарнизона Верлю Омни и предложил свои услуги. Приор не отказался от предложения, но, к сожалению, приказал Гюрзе вернуться в подземелье. Единственное, что утешило Гюрзу, так это перспектива. Теперь он мог быть уверен, что новые хозяева мира оставят его в живых. Что же касается разоблачения контрразведкой Соппротивления, его Гюрза как раз не боялся. Поначалу потому, что смутно представлял, какому риску себя подвергает, а впоследствии потому, что поднаторел в шпионском ремесле, да к тому же неплохо устроился на приличной должности. Заподозрить Гюрзу в измене не смог бы самый проницательный контрразведчик.

Так Гюрза и жил больше двух лет, теша себя тем, что когда-нибудь заживет спокойно, пусть для этого и нужно будет предать всех и вся. Поначалу его мучила совесть, даже снились кошмары, потом, когда серпиенсы уничтожили первую партию преданных Гюрзой людей, душа очерствела, а когда дело встало на поток, агент вовсе забыл об угрызениях совести и прочих глупостях. Все его мысли заняла смертельно опасная, но захватывающая игра в «своего среди чужих и чужого среди своих».

В какой-то момент, как раз в начале прошлого августа, когда место приора заняла Арианна, Гюрза даже решил, что у него больше нет души, что теперь он никогда не станет прежним и не почувствует того, что умеют чувствовать люди. Но все оказалось не так безнадежно. В жизни Гюрзы появился новый смысл – Арианна. И вместе с ней вернулись те самые мелочи, о которых агент успел забыть: удовольствие от глотка свежего воздуха, от красивых видов за окном и даже нечто вроде чувства к женщине. Правда, к женщине необычной по всем статьям.

– О чем ты думаешь, Гюрза? – вдруг спросила Арианна, с трудом отрывая взгляд от огня в камине.

– О мелочах жизни, госпожа, – чуть помедлив, ответил агент. – О том, что потерял к ним интерес, но вновь обрел его, когда встретил вас.

– Не понимаю, какая связь? – Арианна взглянула на Гюрзу немного удивленно.

– Жизнь состоит из мелочей. Нет интереса к одному, нет интереса и к другому. Вы помогли мне снова заинтересоваться жизнью, а следовательно, и мелочами, ее наполняющими.

– Я помогла? Чем?

– Тем, что... – Гюрза замялся. – Боюсь, я не смогу объяснить, госпожа. Это чисто человеческая философия, она далека от понятной вам логики.

– Ты говоришь о любви? – вдруг спросила Арианна. – Ты любишь меня?

Гюрза, услышав такой вопрос, едва не рухнул в камин. Арианна не просто меняла свое восприятие мира, она переворачивала его вверх тормашками. Вряд ли на всех оккупирован-

ных чужаками землях существовал еще хотя бы один серпиенс, способный на такие подвиги. Хотя вряд ли и кто-то из чужаков, кроме Арианны, заводил романы с аборигенами.

– Да, госпожа, – Гюрза опустил взгляд. – Можете распылить меня за такую дерзость.

– Я пока не до конца понимаю, что это значит, Гюрза, поэтому ты не умрешь. Во всяком случае до тех пор, пока я не пойму, в чем суть этой вашей любви. Если это красивое название простого вожделения, она оскорбительна и я, конечно же, превращу тебя в пыль. Если что-то другое...

– Другое, госпожа, – поспешил заверить Гюрза.

– Хорошо, пока поверю, – Арианна явно спрятала усмешку. – Теперь вернемся к делу, Гюрза. Открою тебе несколько маленьких секретов. Моя жизнь, как ты мог убедиться, тоже состоит из мелочей. После инцидента с неудавшейся казнью Грина я долго размышляла, сопоставила массу фактов и пришла к выводу, что мои подозрения полностью оправданны. Грин – не обычный человек, и потому он очень опасен. Я даже подала рапорт Магнусу Арту. Ты понимаешь, что это значит?

– Догадываюсь, госпожа. Вы не стали бы беспокоить наместника понапрасну. Значит, этот Грин действительно опаснее, чем я думал.

– Да, Гюрза. Но три ваших месяца назад проблема имела другой масштаб. Теперь все изменилось. Ситуация в любой момент может выйти из-под контроля. От нас требуются нестандартные действия. Для этого мне нужна твоя помощь.

– Всегда готов, госпожа, – Гюрза поклонился. – Сделаю все, что смогу.

– Надо сделать больше, чем мы можем, в этом и проблема. Люди называют такие вещи сверхзадачами, не так ли?

– Найти и уничтожить Грина вовсе не сверхзадача, госпожа, если подключить к делу все резервы и выйти за рамки стандартных поисковых мероприятий.

– Что ты имеешь в виду?

– Объясню, если позволите. Думаю, очевидно, что Грин покинул территорию серпиенсов. Иначе вы могли бы легко найти его, ориентируясь на сигналы нанороботов-маркеров, которые циркулируют в крови у Грина. Если аппаратура не улавливает эти сигналы, значит, Грин находится там, где их глушат, либо там, где нет соответствующей аппаратуры серпиенсов. Но вряд ли он рискнул перейти на территорию виверр. Следовательно, он прячется где-то в буферной зоне. Она не так велика, а значит, круг поисков существенно сужается.

– Нейтральная зона плохо контролируется и нами, и виверрами, – заметила Арианна. – Особенно это касается экваториальных районов Африки и тихоокеанских островов. Единственная зона, где мы имеем нормальную систему наблюдения и достаточное число агентов, – это Центральная Америка.

– Вряд ли Грин забрался так далеко. Африка также представляется мне слабой версией. Не исключаю острова, но в первую очередь я сосредоточил бы внимание на Азиатском «котле». Африканские джунгли, конечно, неплохая маскировка, но лучшая маскировка для человека это все-таки люди. Затеряться в толпе гораздо проще и надежнее, чем спрятаться в лесу. Во всем экваториальном поясе нейтральных территорий самые густонаселенные места это страны Юго-Восточной Азии.

– Там сильны позиции сервов, – задумчиво проронила Арианна.

– Чьи? – недопонял Гюрза.

– Не важно, – госпожа приор небрежно махнула рукой. – Азиатский «котел» сложное место, но контролируется нами относительно неплохо. Хуже, чем экваториальная Америка, но лучше Африки. Спрятаться там все равно что забраться в шкаф, слишком очевидно.

– И как раз потому, что это слишком очевидно, в «шкаф» вы заглянете в последнюю очередь, не так ли?

– Странный вывод, – Арианна вновь уставилась на огонь в камине. – Хотя, ты прав. Стоит проверить твоё предположение. Есть ещё мысли?

– Есть, госпожа, – Гюрза кивнул. – Но это вариант для крайнего случая. Если не удастся найти Грина с помощью агентуры или по каналам Сопротивления, мы можем пойти ва-банк, мы можем заставить Грина вернуться добровольно.

– Каким образом?

– Мы захватим его подругу. Вику. Проблема лишь в том, что это придется сделать открыто, иначе информация об аресте девушки не дойдет до адресата. То есть нам придется либо напасть на базу Сопротивления, что наверняка приведет к потерям среди стражников, либо похитить девушку и после этого публично озвучить условия ее освобождения. Но это смогу сделать только я, и этот шаг поставит крест на моей нелегальной работе. Сохранить инкогнито после такой операции мне вряд ли удастся.

– И это поможет? – Арианна взглянула на Гюрзу с сомнением. – Он вернется, чтобы попытаться вырчить ее, даже понимая, что это невозможно?

– Вы спрашивали, что такое любовь, госпожа? В частности, это готовность пожертвовать всем, в том числе и жизнью ради любимого... человека.

– Эта Вика... – Арианна слегка скривила губы. – Она стреляла в Грина. Разве он может по-прежнему ее любить?

– Любовь – всепрощающее чувство, госпожа.

– Но это иррационально.

– В этом его сила.

– Все это пока слишком сложно для меня, Гюрза, – Арианна вполне по-человечески покачала головой. – Но хорошо. Я поверю тебе. Надеюсь, ты строишь свои планы исходя из верных установок.

– Я неплохо разбираюсь в человеческой психологии, госпожа. Это часть моей работы. До сих пор мои знания и умения дали сбой только однажды, в случае Грина.

– И как раз этот случай оказался самым важным.

– Да, госпожа, но в его случае бессильным оказался и ваш опыт.

– Дерзкое существо, – беззлобно возмутилась Арианна. – Ты дерзкий, невоспитанный дикарь, Гюрза. Для тебя нет ничего святого. Стремясь возвысить себя, ты готов растоптать все, что угодно, даже мое самолюбие.

– Это не так, госпожа, – Гюрза стушевался.

– Это так, Гюрза, – Арианна едва слышно вздохнула. – Любая другая давно отправила бы тебя в Сибирь, присматривать за рабочими на рудниках.

– Но вы не «любая другая», госпожа, – сообразив, что Арианна вовсе не сердится, а просто ворчит на агента, как на царапнувшего ее котенка, Гюрза расслабился и понизил голос. – Вы особенная. Вы проницательны и вдумчивы и поэтому способны видеть суть вещей и явлений. Не будь это так, разве стали бы вы приором?

– Сядь здесь, дерзкий льстец, – Арианна указала на диван рядом с собой. – Мы начнем усиленные поиски через час. А пока расскажи мне все, что ты знаешь об этом иррациональном чувстве с женским именем. Я хочу понять, как настолько нелогичное и разрушительное явление может быть одновременно настолько созидательным.

2. Таиланд, 28 марта 2015 г.

Все в жизни меняется. Совершенствуется, ускоряется, шлифуется, становится тоньше, элегантнее, симпатичнее. Все – от одежды и обуви до компьютеров и телевизоров. И это хорошо. От современных телевизоров меньше устают глаза, мощные компьютеры и коммуникаторы экономят время и нервы, в удобной, легкой и качественной одежде можно покорить новые вершины, а если она еще и элегантная, становится выше самооценка и прибавляется уверенности в себе.

И не верьте тем, кто попытается возразить, а уж тем более обвинит вас в обывательском стремлении держаться моды. Ретрограды ленятся и лукавят, чтобы оправдать свою лень. Они и рады бы вырваться из уютной западни устоявшихся стереотипов, но им лень заработать на новинки. Зачастую им лень даже просто взглянуть по-новому на привычные вещи. Ну лень! Что тут поделаешь? Так что слушать их все равно что спрашивать совета по преодолению мирового экономического кризиса у тех, кто его устроил и довел целые страны до банкротства.

Вот почему лучше не держаться за стереотипы, а шагать в ногу со временем. Так можно успеть гораздо больше, чем другие, увидеть больше других, прожить отпущенный срок полнее и ярче.

В результате, понятное дело, ничего не выиграешь, закопают на ту же глубину и в том же месте, где и всех, но жизнь – это как раз тот случай, когда важен не результат, а качество процесса...

Филипп сунул тоненький окуроч современной сигаретки в пустую пивную банку и блаженно прикрыл глаза.

Он действительно ощущал почти неземное блаженство, нежась под палящим солнцем в каких-то пяти плевках от экватора. Лежал на горячем белом песке у самой полосы прибоя, неспешно переводил взгляд с лазурной морской глади на зеленые шапки кокосовых пальм, отвлеченно философствовал и совершенно не думал о проблемах, которые еще недавно, казалось, были смыслом жизни.

Хотя, почему «казалось»? Они действительно им были, но в той, первой, жизни Филиппа Грина. Во второй жизни, которая началась первого декабря прошлого года, эти проблемы стали главной стратегической задачей, не более того. Что же заняло освободившуюся вакансию смысла жизни? Об этом Грин не думал. Зачем? Все ведь меняется очень быстро. Сегодня смысл жизни для тебя в одном, завтра в другом. Действовать надо, действовать. Жить, а не смысл искать. Учиться, сражаться, работать, отдыхать, любить. Вот тогда в жизни и появится этот самый смысл. А если его просто искать, не найдешь никогда, как ни парадоксально это звучит.

Сейчас Грин набирался сил для новых сражений, то есть находился в состоянии номер четыре, которое не подразумевало глубокого анализа рабочих проблем. Зато подразумевало блаженное возлежание на пляже, покрытом белоснежным коралловым песком. Вот и прекрасно. Вот Грин и лежал, наслаждаясь солнцем и покоем.

«Жарковато, конечно, и влажность высоковата, но, если прямо у моря, нормально. Не душно, как в джунглях. Хотя, по большому счету, и в джунглях неплохо. Тень, водопады, фрукты-орехи, экзотическая живность вроде мартышек и даже слонов. Все кругом шуршит, цокает, чем-то похрустывает, порхает и поет. Причем поют не только птички и зверьки, заливаются даже ящерицы».

Да, да, это так. Грин не поверил бы, если б не увидел сам. Здесь пели даже ящерики. Забавно так, отрывисто, без птичьих переливов, но пели. Факт. В общем, Грин живьем попал в рай, да и только. Нет, серьезно, даже комары в этих местах вели себя как ангелы. Выглядели, как везде, но почти не жалили. Чем питались кровопийцы – непонятно. Амброзией, что ли?

«Жаль, ничто не вечно, – Грин услышал шаги и приоткрыл глаза. – Рано или поздно все заканчивается. Особенно кайф. Причем он заканчивается не сам по себе. Его чаще всего обламывают».

Филипп покосился вправо. Рядом с ним на песок уселся какой-то здоровенный тип в широкополой шляпе, шортах и просторной футболке с традиционным для здешних мест рисунком – слон в расшитой затейливыми узорами попоне. Глаза незнакомец прятал за темными очками.

На взгляд Грина, поблизости от экватора очки не требовались, солнце светило ярко, но стояло почти в зените, поэтому не ослепляло. Но не все могли разделять мнение Грина. Особенно те, у кого глаза устроены иначе.

Незнакомец не походил на змеевика, выглядел слишком смуглым, но в том, что это не человек, Филипп не сомневался. Не серпиенс, значит, кошатник, виверра. На нейтральных территориях Азиатского «котла» встречались и те, и другие. И ничего хорошего от встречи с любым из представителей чужеродных кланов обычному человеку ждать не приходилось. Хрен редьки не слаще.

Но это если речь идет об обычном человеке. В случае Грина все выглядело сложнее. Хотя бы потому, что он сам искал встречи с кошатниками.

«Вот и все, вот и кончилось теплое лето, – мысленно пропел Грин строчку из древней песенки, – снова началась работа. И, наверное, это к лучшему».

– Мы искали вас, Филипп, – сообщил незнакомец.

– Вы обознались, – лениво процедил Грин.

– Не имею понятия, что означает это слово, но мы не ошибаемся никогда и ни в чем, – кошатник зачерпнул горсть песка и пересыпал из ладони в ладонь. – У нас измельченные кораллы считаются чем-то вроде специй, а здесь их целые пляжи. Удивительный каприз природы.

– Очень интересная подробность, – Филипп приподнялся и оперся на локоть. – Но будьте любезны, господин пришелец, отвалите, ладно? Вы мне солнце загораживаете.

– Вы и так обгорели, – чужак указал пальцем на нос. – Вот здесь. И ближе к шраму тоже ожог.

– Хорошо говорите по-русски, долго учились?

– Учился? – чужак едва заметно усмехнулся. – Две-три секунды.

– А, понимаю, высокие технологии, компьютерные импланты в голове и все такое, – Грин кивнул. – Я читал пару книжек о чем-то подобном. Мне даже понравилось, хотя всегда предпочитал литературу пооригинальнее. Пелевина, например. Но моя девушка любит фантастику, собрала целую библиотеку, пришлось приобщиться и даже проникнуться. Но потом появились вы и все опошили.

– В смысле? – кошатник не сумел скрыть удивления.

– Все оказалось гораздо прозаичнее, чем предполагали наши выдумщики. Вы просто разрушили наш мир и начали строить свой. Нашими же руками.

– Такова логика любой экспансии. Но разве ваши фантасты обещали что-то иное?

– Они обещали нам жутковатую, полную опасностей и тягот, кровавую, но все-таки романтику. А вы что устроили? Горы пепла, стеклянные дома и серые будни.

– Не понимаю, как романтика может быть кровавой.

– Не цепляйтесь к словам. Пусть не романтику. Я имел в виду комплекс острых ощущений, смесь стalkerских приключений и боевого азарта. Но никак не беспросветную пахоту на тех же заводах и фабриках, только теперь не в пользу родных олигархов, а на благо чужих наместников, эргов, приоров и прочих богатеньких гуманоидов с вертикальными зрачками.

– Мы хорошо платим и даем людям все блага, вплоть до полной социальной страховки. Это правило не распространяется на упрямец, ушедших в подполье, но каждый волен делать свой выбор. В этом мы вас тоже не ограничиваем. Кроме того, мы заботимся об экологии...

– Шведам заливайте про экологию, они вашу заботу о природе оценят. Я не швед.

– Хорошо, – чужак отряхнул ладони. – Вы не швед, вы Филипп Грин. Удивительный человек, который сумел уйти от смерти. Причем вашей гибели желали не только товарищи по Сопротивлению, но и серпиенсы. Именно второй нюанс убедил меня в том, что с вами стоит поговорить.

– О чем? – Фил пожал плечами. – Я выжил, надежно спрятался, как мне казалось, и больше мне ничего не надо. Ни от бывших товарищей, ни от серпиенсов, ни от вас. Этот остров – прекрасное место, я не прочь провести на нем остаток жизни.

– Вы лукавите, Филипп. Люди мстительны по натуре, и вы обязательно захотите поквитаться с обидчиками. Рано или поздно. Особенно с ней. Не так ли?

– Не понял, – теперь пришла очередь Грина. Он так же, как и кошатник минутой раньше, сделал вид, что удивлен. – Вы о ком?

– О той самой девушке, любительнице фантастики, которая оставила вам на память этот шрам на лице. Насколько я понимаю, предательство люди ненавидят больше всего.

– Это была ошибка. Ее обманули, как и всех остальных. Обманул провокатор, посланный серпиенсами. Так что я не держу зла ни на кого из бывших товарищей. Мои враги серпиенсы в целом и их шпион-провокатор персонально.

– Тем лучше, – в голосе кошатника промелькнула нотка удовлетворения.

Чего, собственно, Грин и добивался, разгоняя скрипучую телегу своей легенды до скорости автомобиля. Теперь требовалось закрепить эффект, но в то же время не переборщить, не заронить в душу (если она у чужака имеется) зерно сомнений.

– Чем лучше-то? – Грин вздохнул и помотал головой. – Что я могу? У нас говорят: один в поле не воин. Знаете такую поговорку?

– Знаю. И не предлагаю вам выходить в поле с шашкой против танковой бригады. Я предлагаю вам играть за нашу команду.

– Образно выражаетесь. Тоже за три секунды научились?

– Нет. Как раз на это ушел целый год. И мне понравилось.

– Неужели?

– Вот представьте себе.

– Интересно девки пляшут. Может, вы еще и сочувствуете нам?

– У нас тоже не любят предателей, поэтому не стану вас обнадеживать. Я не представляю здесь некую пятую колонну, недовольную действиями нашего правительства и сочувствующую людям. По долгу службы мне приходится много общаться с аборигенами, поэтому я обязан точно знать, как люди мыслят, о чем мечтают и на что надеются. И я с удовольствием вникаю во все эти тонкости. Мне нравится моя работа, а не мои подопечные.

– Спасибо за откровенность. Вы меня почти убедили.

– Почти?

– Почти.

– Почему?

– Потому, что я не услышал главного. На кой черт мне все это? Ради мести? Лично для меня это не мотив, я не горец. Ради возвращения в большой мир? Мне он больше не нравится. Что еще?

– Жизнь, – кошатник чуть склонил голову набок. – Мотив?

– Запугивание – худший прием. Причем хуже вы сделаете только себе. Под страхом смерти я, конечно, стану вашим рабом, но это не даст вам ничего хорошего. Рабский труд непродуктивен. Безынициативный работник бесполезное приобретение.

– Вы такой, как я себе представлял, – чужак кивнул. – Поднимайтесь, Грин. Транспорт ждет нас на парковке отеля.

– Связывать будете? – Грин сел.

– Нет, не буду, – кошатник усмехнулся. – Даже если справитесь со мной, куда вы денетесь с острова?

Он поднялся, потянулся с кошачьей грацией, поигрывая, казалось, всеми мышцами огромного тела, и устоял на Грина с высоты своего двухметрового роста. Филипп не видел его глаз, но был уверен, что кошатник смотрит на него, как хищник на дичь – снисходительно и с алчной искоркой. Грин поправил очки, встал и отряхнул с шорт белый коралловый песок. Он не знал, к какому блюду виверры добавляют эту «специю», но в любом случае стать этим блюдом Грину не хотелось.

– И все-таки не ждите от меня чего-то... этакого. Я простой инженер и вообще...

– Полно вам кокетничать, Фил, – оборвал Грина чужак. – Вы ведь сами хотели, чтобы я вас нашел.

– Я даже имени вашего не знаю, – Грин фыркнул.

– Джон, зовите меня так, – представился кошатник. – Вы ждали не меня конкретно, а кого-нибудь из нашего клана. Иначе вы спрятались бы не на одном из крупнейших островов Сиамского залива, причем в самом лучшем его отеле, а где-нибудь в лабиринтах Бангкока. Вы ведете свою игру, Грин, я веду свою. В данный момент нам выгодно идти в одном направлении. Вот и вся мотивация. Никакого рабства. Не так ли?

– Ваша взяла, – Грин сделал вид, что раздосадован.

– Вот и договорились. Идемте, а то вон с той горы сползает тучка, как бы не начался дождь.

Кошатник кивком указал на юг.

– Не сезон вроде бы, – Филипп оглянулся.

Над одной из невысоких, покрытых густыми джунглями гор действительно висела сизая туча, но чужак явно указывал не на нее. Чуть правее почти на той же высоте, ориентируясь на береговую линию, шел четкий строй из десятка коконов. В таких аппаратах, издав далеко похожих на серые змеиные яйца, летали серпиенсы.

– Идем скорее, – поторопил кошатник.

– Да, такой дождик может замочить, причем во всех смыслах, – пробормотал Филипп и торопливо двинулся следом за Джоном.

На парковке перед административным зданием отеля стояли несколько «тук-туков» – местных такси, сделанных на базе самых обычных пикапов: две лавочки в кузове и тент над ними, плюс десяток мотобайков и большой черный джип с тонированными стеклами. Грин слышал, что виверры – народ продвинутый, поэтому ожидал увидеть какое-нибудь иноземное транспортное средство, но Джон почему-то прикатил на вполне обычной машине, и это Фила немного удивило. Кошатник не хотел раскрывать технологические секреты виверр? Или решил создать для Грина привычную атмосферу, чтобы наладить более доверительные отношения? Что ж, в этом случае Филипп мог считать, что все идет по плану. Кошатники заинтересовались Грином всерьез. Все, что оставалось Филу, так это понять, каким секретом серпиенсов, по мнению новых знакомых, он обладает? Пока до четкого понимания Грин не добрался.

«Но ведь не за красивые глазки они меня так привечают. И не из спортивного интереса. То, что я сумел обмануть серпиенсов, их скорее забавляет, чем действительно интересует. Они хотят от меня чего-то другого. Чего? Гадать бесполезно, да и бессмысленно, сами скажут, когда придет время. Так что пока – смотреть в оба и запоминать. Пригодиться может любая мелочь».

В машине оказалось прохладно и сухо, что радовало больше всего. Все-таки высокая влажность в сочетании с жарой хороши в малых дозах, в русской бане например. А когда баня топится круглые сутки, это для северного организма перебор.

Грин уселся на заднее сиденье и кивком поприветствовал еще одного пассажира. Им оказалась женщина-виверра. Красивая брюнетка типичного для чужаков баскетбольного роста, но очень стройная и грациозная. Чего стоил один только наклон головы и небрежный, но плавный жест – дамочка отбросила прядь волос. Пластика на загляденье.

– Знакомьтесь, – усаживаясь за руль, сказал Джон. – Это... допустим, Теана. Самое близкое по звучанию человеческое имя.

– Рассвет, – перевел Грин. – Красивое имя, хотя и не человеческое.

– Да? – озадачился Джон. – А чье?

– Так называется машина, – Фил спрятал усмешку. – Один мой приятель ездил на такой до войны.

– Прокол, – Джон улыбнулся.

– Ничего, пусть будет Теана. Если дама не возражает. А я...

– Не возражаю, – перебила девица, смерив Грина равнодушным взглядом. – А вы Филипп Андреевич Гриневский. Я знаю.

Голос у нее оказался глубоким, приятным, а вот взгляд Грину не понравился. Она смотрела на Филиппа не так, как обычно смотрят чужаки, не свысока, а как-то иначе. Вроде бы и не враждебно, но слишком уж холодно. В чем причина такого заведомо негативного отношения Теаны к нему, оставалось только гадать. На хвост ей Грин вроде бы не наступал и соплеменников ее не обижал пока. Заставил работать сверхурочно?

«Хотя, скорее всего, все проще. Джон играет роль хорошего полицейского, а Теана плохого. Вполне нормальная практика. Один давит, другой доит, образно говоря».

Все-таки обычная с виду машина оказалась слегка усовершенствованным экземпляром. И это мягко говоря. Тронулось авто без участия Джона, вырулило на шоссе также самостоятельно, да и по самым проблемным местам машина ехала, как надо, ловко маневрируя в потоке многочисленных байков и пикапов. Номинальный водитель только глазел по сторонам, а вернее – постоянно поглядывал вверх, сквозь тонированный люк, будто бы пытаясь угадать, догонит машину грозовая тучка или нет.

– Необычно, – когда авто взобралось на крутую горку, этакую миниатюрную копию горного перевала, заявил Джон.

– Сейчас вниз поедет, будет еще необычнее, – пообещал Грин. – С той стороны настоящий серпантин, аж дух захватывает, если быстро спускаться.

– Я имею в виду наш эскорт, – Джон указал пальцем вверх. – То звено коконов, что мы засекли на пляже, до сих пор находится в пределах видимости. Такое впечатление, что они висят у нас на хвосте.

– Ты не перестраховываешься? – спросила Теана, тоже поднимая взгляд кверху. – Они идут с Ко Мака, там у них база, и держат курс на Трат. Обычное дело.

– Обычное, – Джон кивнул, – но лишь когда они проходят над восточным побережьем острова, не задерживаясь. На все про все обычно им требуется десять секунд.

– А эти барражируют над нами все десять минут, – поддержал его Грин. – Явно прицениваются. Вот только непонятно, к кому из нас?

– К вам, скорее всего, – проронила Теана. – С нами связываться им не резон.

– Но вы не волнуйтесь, Грин, – поспешил успокоить Джон. – Пока вы с нами, вам ничто не грозит.

– А вам?

– В смысле?

– А если они решат, что игра стоит свеч? Что уничтожить заодно со мной двух виверр будет не таким уж серьезным проступком? Как тогда нам быть?

– Этого не случится, – уверенно заявил Джон. – Мы на нейтральной территории. Ни мы, ни серпиенсы не могут здесь трогать даже аборигенов. Даже преступников. А уж тем более нельзя нападать на представителей другого клана. Будет скандал.

– Для международных дел скандалы – обычное явление.

– Для ваших международных дел. У нас дела ведутся иначе. Нейтральные территории останутся неприкосновенными, даже если на территориях кланов начнется ядерная война. Это закон, который не может нарушить никто.

– Даже Белая Мангуста или Великий Дракон?

– Никто.

– А если все-таки кто-то посмеет его нарушить? Чисто теоретически. Что будет?

– Ничего не будет, поскольку это нереально, – чуть раздраженно ответила Теана.

– Я понял, но все-таки?

– Нарушитель будет отлучен от клана и передан пострадавшей стороне, – ответил Джон. – Зачем вам эта теория, Грин? Серпиенсы – хорошие солдаты, дисциплина у них в крови, они не нарушат закон. Даже ради вас.

– В первую очередь ради вас, – внесла поправку Теана. – Не такой уж вы... как это по-русски?

– Особо опасный тип, – Филипп усмехнулся. – Вы так думаете?

– Мы это знаем, – Теана смерила Грина насмешливым взглядом. – Мы читали о вас в Интернете. Особо красочно ваши «подвиги» описывал блогер под ником «Сафрон». Не знаете такого?

– И знать не желаю. И что он писал?

– Что вы Иуда, что работали на серпиенсов, помогая накрыть медным тазом Соппротивление.

– Прямо так и написано?

– Про медный таз? Да, так и написано. Более того, именно вы придумали всю провокацию и обеспечили ее осуществление, подсунув Соппротивлению недоработанное оружие возмездия, пресловутый излучатель «Пилигрим». Но когда чужаки разгромили подполье, справедливость все-таки восторжествовала, и подлые змеевики решили, что провокатор им более не нужен. Они слили вас в канализацию... это тоже цитата... то есть, отдали на растерзание подпольщикам. И те с удовольствием выместили на вас, Грин, всю свою ненависть. Три месяца вас пытали в застенках, а потом расстреляли. Но, как это часто бывает с негодьями, вам, Грин, повезло, вы умудрились выжить и, пока вас считали мертвым, сбежали на нейтральную территорию.

– Если отбросить цитаты и учесть, что обвинение сфабриковано настоящим провокатором, все верно, – Грин кивнул. – Были и три месяца тюрьмы, и расстрел, и побег. Но если ваши знания базируются на этой версии в целом, то вы заблуждаетесь.

– Неужели? В чем же тогда реальная причина повышенного интереса людей и, главное, серпиенсов к вашей персоне? Чего они от вас хотят?

– Люди хотят добить. А серпиенсы... не знаю, чего они хотят. Спросите у них сами. Может, думают, что я знаю нечто особенное, а может, подозревают, что я звено в цепи какого-нибудь вселенского заговора. А возможно, просто подозревают, что я двойной агент, допустим, ваш.

– Вот это вряд ли, – Джон усмехнулся. – Я бы знал. А вы сами-то, Грин, что думаете на этот счет? С людьми все понятно, их обманули, как вы утверждаете. Но серпиенсы неспроста ищут вас четвертый месяц кряду. Что-то им от вас нужно. Но что конкретно, как считаете?

– Так я вам и выложил, – пробурчал Филипп. – Сначала вы скажите, что нужно вам, а там посмотрим, стыкуются наши интересы или нет. Лично я пока этого не понял.

– Деловой подход, – Джон кивнул, а затем снова поднял взгляд к небу. – Мы скажем. Если серпиенсы не помешают.

– Они снижаются, – сказала Теана. – Кажется, над причалом. Хотят перекрыть нам путь? Не пускают на паром?

– Нет, они хотят встретиться, – Джон прищурился и внимательно изучил дорогу впереди. – И как раз на борту парома. Неторопливая беседа на верхней палубе – это в стиле Адрона Тео Серви, начальника местного гнезда разведки серпиенсов. Что ж, поговорим. Я поговорю. Вы останетесь в машине.

– Только дешево меня не продавайте, – сквозь зубы процедил Грин. – Вдруг я действительно чего-нибудь да стою?

– Расслабьтесь, Филипп, – Джон усмехнулся. – Я не первый год в тайной политике.

Курсирующие между островом и материком паромы, или ферри, выглядели довольно грациозно для своего утилитарного назначения. Если бы не погрузочные аппарели на носу и корме, в профиль эти посудины даже могли сойти за полноценные трехпалубные суда.

На первой палубе парома перевозились машины, а вторая предназначалась пассажирам. Она имела тонированные окна и оборудовалась множеством пластиковых кресел. Также на ней обычно располагались несколько киосков, продающих всякую мелочь вроде чипсов и напитков. Здесь приходилось терпеть духоту, зато на этой палубе не палили прямые солнечные лучи. Местные жители относили это к плюсам, ведь в отличие от европейцев тайцы никогда не считали шоколадный загар красивым. У них в почете благородная бледность кожи. Почему? Все просто. Если ты загорелый, значит, работаешь на улице, каким-нибудь дворником или строителем. Если же ты бледный, значит, сидишь в офисе на высокооплачиваемой должности, то есть твой социальный статус выше, чем у других.

Именно по этой причине третья палуба, открытая всем ветрам и с половинчатым навесом от солнца, пользовалась особой популярностью лишь у иностранцев. Именно на ней Джон и предполагал встретиться с агентами серпиенсов. Ведь свободная от навеса половина палубы была еще и свободна от скамеек, то есть на ней вполне могли сесть летающие коконы змевинок.

В связи с тем, что акватория перед причалом оказалась пуста, очередной ферри успешно сманеврировал и причалил кормой. Правда, сам процесс швартовки убывающая с острова троица не видела. Когда джип кошатников подъехал к причалу и встал в очередь из двух десятков автомобилей, паром практически разгрузился. Бодрый поток встречных машин уже укатил по узкому шоссе в глубь острова, и на палубе остался лишь какой-то допотопный пикап, который матросы скатывали на берег вручную. Вскоре разгрузка завершилась, и строгая дамочка в форменной жилетке открыла сетчатые ворота, разрешая въезд на палубу ферри.

Когда все машины въехали на паром, Джон вышел из авто и неторопливо поднялся по трапу на верхнюю палубу. Грину оставалось только украдкой поглядывать на Теану и держать скрещенные пальцы, в надежде, что кошатник успешно «разведет» агентуру серпиенсов.

Впрочем, очень скоро Филиппа посетила дельная мысль, и он сосредоточился на ее «материализации». Он решил обратиться за советом к своим друзьям на том конце линии мысленной связи. За четыре без малого месяца, прошедших с момента «второго рождения» Грина, то есть после фальшивой казни, Филипп не раз воплощал подобные идеи в жизнь, и каждый раз советы тех, к кому Грин собирался мысленно обратиться и сейчас, оказывались полезными.

Положа руку на сердце, Грин пока так до конца и не поверил в реальность своих мысленных собеседников. Где-то глубоко в душе он считал все эти «внутренние» беседы просто одним из приемов мозгового штурма, но одновременно Филиппу приходилось соглашаться с доводами другой части собственного разума, утверждающей, что слишком уж много фактов – именно фактов, а не домыслов – говорят о том, что мысленная связь с неведомыми друзьями-подсказчиками все-таки существует. Что эти двое загадочных собеседников, «голос извне» и «провидица», не плод нездоровой фантазии Грина, а действительно телепаты, так

называемые люди-индиго, которые поддерживают постоянный мысленный контакт с Филиппом.

Последним аргументом стало именно то, что мысленных собеседников оказалось двое. Грин читал о раздвоении личности, но никогда не слышал о «растроении». Плюс, если верить «провидице», в мысленный эфир людей-индиго частенько выходили еще несколько человек, правда, с ними Грин не контактировал, да и сами они пока оставались только начинающими, неопытными носителями телепатического дара индиго, как выражался голос извне, – «заготовками».

Но самое главное доказательство того, что Грин не сумасшедший, а действительно человек нового вида – индиго, заключалось в том, что он и его друзья по мысленному эфиру умели предугадывать события, фактически заглядывать в ближайшее будущее. Все они продемонстрировали это в «прошлой жизни» Филиппа.

Правда, получалось это у всех троих по-разному. «Голос извне» отчетливо видел только события ближайшего часа, а «провидица» специализировалась на предсказаниях среднего срока исполнения – от суток до месяца. А сам Грин мог заглянуть и на три месяца вперед, и на полгода, а возможно, и дальше. Причем его предвидения сбывались достаточно точно. Так что индиго предвидели разные события, но пророческий дар имелся у всех троих. Наряду со способностью к телепатической связи этот талант и составлял суть отличия людей-индиго от простых смертных. Да и от чужаков, наверное, тоже.

«На связь, – мысленно приказал Филипп голосу извне. – Надо посоветоваться».

«*Посоветоваться или загрузить работой?* – Голос извне ответил мгновенно, но чуточку лениво, словно спросонья. – *Как понимаю, твой план начал реализовываться?»*

«Да, и мне нужна твоя помощь. Ведь это ты у нас специалист по предвидениям ближнего прицела».

«*Снова предвидения, – голос извне выдержал паузу, которая вполне могла соответствовать недовольному вздоху. – Я готов, хотя за результат не ручаюсь. Что ты хочешь увидеть?»*

«На верхней палубе парома агент кошатников встречается с резидентом змеевиков. Я хочу знать, о чем они говорят».

«*Ну ты, барин, и задачи ставишь! Я ведь обычно предвижу то, что случится с тобой или с кем-то еще из наших, людей-индиго. А тут змеевики и виверры, да еще и незнакомые... Не знаю, получится ли»*

«А ты напрягись. Не получится, так тому и быть. Но лучше бы получилось. Ситуация требует полной ясности».

«*Это я понял, но... хотя бы заценку дай. Что за паром, где ты, кто рядом?»*

Ферри идет с острова, с Ко Чанга в сторону материка. Это Таиланд, провинция Трат. Рядом... только виверра по имени Теана. Впрочем, это адаптированное имя, как на самом деле ее зовут, я не знаю».

«*Ее зовут Те Анлинь Серви, – неожиданно подсказал незнакомый женский мыслеголос. – Дочь Роба Доу Анлинь. Двадцать пять стандартных лет, виверра восемнадцатого уровня. Сотрудница дипломатического отдела администрации анклага виверр в Паттайе»*

«*Спасибо, прекрасная незнакомка, – поблагодарил голос извне. – Видишь, Грин, наша мысленная сеть расширяется, и этот процесс приносит плоды»*

«А кто это был? – недоверчиво спросил Филипп. – Ты в курсе?»

«*Нет, и это не имеет значения. Все мы на одной стороне. Все индиго. Я правильно мыслю?»*

«*В целом да, – в мысленном эфире появился еще один женский голос, на этот раз знакомый и Филу, и голосу извне. На связь вышла провидица, та самая строгая дама, обладающая даром выдавать предвидения «среднего срока исполнения». – Хотя Филипп формально прав, хотелось бы получить знать тех, кому приходится доверять свои жизни»*

«Вы ведь тоже реально не знакомы, – парировала неизвестная женщина. – Но вы доверяете друг другу и даже строите на этом фундаменте свои загадочные шпионские операции».

«Соглашусь с незнакомкой, – мысленно заявил Грин. – Мы сами столкнули с горы несколько камней, и теперь нам придется доверять покотившейся лавине. Очень скоро мысленная сеть людей-индиго начнет расширяться не по дням, а по часам. Остается лишь надеяться, что все новички будут разделять наши убеждения».

«А какой у них выбор? – спросила незнакомка. – Остаться в стороне они все равно не смогут. Однажды попав в мыслесеть, остаешься в ней навсегда. Это как научиться говорить. Предать нас тем более нереально. Единственный, кто известен всем под своим именем, это Грин. Да и нет смысла предавать тех, за кем будущее. По-моему, это понимают даже самые юные из нас...»

«Снова согласен. Голос, что у тебя?»

«У меня... есть контакт! Двое чужаков, брюнет и блондин, стоят под навесом на третьей палубе ферри и беседуют. Язык используют странный, вроде бы серпиенсов, но в то же время и виверр...»

«Эти языки не слишком отличаются один от другого, – заметила провидица. – Не большие, чем русский от украинского».

«Что меня всегда интриговало, – сказал голос. – Я сейчас попытаюсь максимально точно донести этот своеобразный репортаж до Грина, поэтому... если не возражаете, сударыни...»

«Не буду мешать», – провидица первой поняла намек и умолкла.

«Да», – ответила незнакомка и тоже замолчала.

«Подключайся, Фил...»

Грин прикрыл глаза и сосредоточился на подключении. Предвидение голоса извне опережало реальную беседу чужаков всего на пару секунд и, вполне возможно, отличалось от нее в каких-то деталях, но Филипп надеялся, что суть беседы он уловит и это главное...

...Кокон раскрылся, будто бы с него срезали узкую спиральную ленту кожуры, только серая лента не осела на палубу парома, а исчезла внутри летательного аппарата. Сидевший в коконе серпиенс поднялся с подобия глубокого кресла, одернул легкую куртку униформы и шагнул на палубу.

Выглядел этот представитель клана змеевиков вполне обычно. Под два метра ростом, светловолосый, широкоплечий. Голубые глаза, с едва заметными из-за яркого солнца щелочками вертикальных зрачков смотрели на агента виверра холодно, но без высокомерия, как на равного.

Джон шагнул навстречу серпиенсу и поприветствовал его вполне человеческим кивком. Может, отдал дань моде, а возможно, такое приветствие считалось нормальным и у чужаков.

– Адрон Тео Серви...

– До Жалань...

– Давно не виделись.

– Почти сотню Ра.

– Эта работа... – Джон вздохнул. – Совсем нет времени. Как поживаете, процветает ли ваша семья?

– Все на десять баллов, хвала Великому Дракону. Предлагаю обойтись без формальностей, До. Мы встретились неслучайно, и вы это знаете.

– Догадываюсь, – уточнил Джон. – Вы хотели поговорить или просто решили повидаться?

– Одно не исключает другого, – Адрон кивком указал на свободное от пассажиров местечко под навесом. – В этих широтах слишком жарко даже для нас, отойдем в тень?

Собеседники отошли под навес, при этом двигались осторожно, соблюдая приличную дистанцию и не поворачиваясь друг к другу спиной, словно опасаясь нападения.

Грину вспомнился фрагмент одной давней беседы с Алексеевым. Генерал говорил, что когда-то в незапамятные времена, тысячи лет назад, предки кошатников охотились по ночам на серпиенсов, поэтому на всех своих новых территориях змеевики до сих пор обязательно вводят комендантский час. И особенно строго его соблюдают на территориях, пограничных с владениями виверр, если между территориями кланов нет буферных зон. Так крепко въелись им в генетическую память события тех стародавних времен.

– У меня есть сведения, уважаемый До, что вам стало известно о местонахождении одного опасного человека, – облокотившись о поручень, сказал Адрон Тео.

– Это моя работа, я знаю многое о многих людях.

– Хорошо, уточню. Его зовут Филипп Андреевич Гриневский. Коротко – Филипп Грин. Думаю, впервые вы услышали о нем еще в конце прошлого местного года.

– Да, слышал. Люди считают его провокатором, который надоумил Соппротивление поднять августовское восстание. Насколько я понимаю, успех этой операции против подполья обеспечила Арианна Дей. Этот Филипп Грин был ее агентом?

– Не совсем так, – Адрон Тео зачем-то чуть перегнулся через ограждение и заглянул на вторую палубу. – Настоящим провокатором стал другой человек. А Грина мы подставили, чтобы отвести подозрения от своего агента.

– Грамотно.

– Но Соппротивление оказалось не только никудышным воинством, оно еще и не справились с элементарной карательной функцией. Грину удалось сбежать.

– Неужели? – делано удивился Джон. – А в Интернете до сих пор обсуждают детали его казни. Там даже выложен ролик.

– Он выжил, – коротко возразил Адрон.

– Повезло, – кошатник уставился на серпиенса. – Получается, об этой истории мне известно меньше, чем вам, уважаемый Адрон. Сожалею, что ничем не смогу вам помочь.

– А если я скажу, почему мы считаем этого типа особо опасным преступником?

– Вряд ли это что-то изменит. Я не имею права использовать свою сеть для поиска сведений, полезных серпиенсам. Так же, как вам запрещено открывать доступ на секретные уровни своего виртуального пространства разведке виверр. Таков закон, вы это знаете.

– Это особый случай, До.

– Законом не предусмотрены никакие особые случаи.

– К нашей ситуации следует применять Высший закон.

– Высший закон? – Джон выглядел озадаченным, причем на этот раз он не притворялся. – Вы уверены?

– Санкция получена от наместника. Не думаю, что Магнус Арт посмел выдать свою прихоть за волю самого Великого Дракона.

– В таком случае должна последовать и санкция Белой Мангусты. Только в этом случае к ситуации может быть применен Высший закон. Но мы ничего подобного не получали.

– Вопрос времени, До, – Адрон отлепился от поручня и отряхнул рукав куртки. – Думаю, вы получите приказ завтра, ближе к полуночи. И учтите, этого человека нельзя оставлять в живых. Если у вас появится мысль использовать его против нас, вы сделаете хуже только себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.